

902.7

Л-894

ВЛ. ЛЬВОВЪ.

РУССКАЯ ЛАПЛАНДІЯ
И
РУССКІЕ ЛОПАРИ.

Географическій и этнографическій очеркъ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ.

Съ рисунками и картой Русской Лапландіи.

Естествознаніе и географія.

- Медвѣдь и медвѣжій промыселъ въ Россіи. Очеркъ проф. *В. Н. Львова*. 4-ое изданіе. Съ 5 рис. Цѣна 15 коп.
- Бѣлка и бѣличій промыселъ. Очеркъ проф. *В. Н. Львова*. 4-ое изданіе. Съ 4 рис. Цѣна 10 коп.
- Куница и соболю. Очеркъ проф. *В. Н. Львова*. 3-е изд. Съ 5 рис. Ц. 10 к.
- Изъ жизни нашихъ птицъ. Три разсказа. Проф. *В. Н. Львова*. Съ рисунками. Цѣна 35 коп.
- Покровительственная окраска животныхъ. Очеркъ проф. *И. Сушкина*. Съ рисунками автора, Цѣна 35 коп.
- Неаполитанскій акваріумъ. Очеркъ *Н. Колцова*. Съ рисунками худ. *Ватагина* и др. Цѣна 35 коп.
- Верблюды и сѣверный олень. *Вл. Львова*. Съ 11 рис. Ц. 15 к.
- Какъ живутъ пчелы. Очеркъ *Вл. Львова*. 4-ое изд. Съ 13 рис. Ц. 10 к.
- Каменный уголь, какъ его добываютъ и какъ онъ образовался. *Вл. Львова*. Изданіе 5-ое. Съ 18 рис. Цѣна 15 коп.
- Въ нефтяномъ царствѣ. Очеркъ бакинскихъ нефтяныхъ промысловъ. *Вл. Львова*. Изданіе 5-ое. Съ 19 рис. Цѣна 20 коп.
- Соль и ея добываніе. Очеркъ *Вл. Львова*. Съ 7 рис. Цѣна 10 коп.
- Кометы и падающія звѣзды. Очеркъ *Вл. Львова*. 3-е изданіе. Съ 14 рис. Цѣна 15 коп.
- Сѣверный край Европейской Россіи. *Вл. Львова*. Съ 40 рис. и картой. Цѣна 35 коп.
- Самоѣды. Очеркъ *Вл. Львова*. Изданіе 5-ое. Съ 9 рис. Цѣна 15 коп.
- Новая земля, ея природа, животный міръ, промыслы и населеніе. *Вл. Львова*. 4-ое изданіе. Съ 28 рис. и картой Новой Земли. Ц. 30 коп.
- Русская Лапландія и русскіе лопари. Очеркъ. *Вл. Львова*. Съ рис. и картой Лапландіи. 3-е изд. Цѣна 35 коп.
- Жаркія страны. Разсказы о растеніяхъ, животныхъ и дикаряхъ тропическихъ странъ. *Вл. Львова*, 5-е изданіе. Съ 52 рис. Цѣна 35 коп.
- Въ 21 милѣ отъ южнаго полюса. Путешествіе Шекльтона. Обработано *М. Клоковой*. Съ рисунками. Цѣна 60 коп.
- Константинополь. Очеркъ *М. Клоковой*. Съ 16 рисунками. Ц. 15 к.
- Помпея. Очеркъ *Константина К.* Съ 14 рисунками въ текстѣ и отдѣльной картиной въ краскахъ. Цѣна 35 коп.
- Хевсуры. Этнографическій очеркъ *Р. Меленчука*. Съ 8 рис. Цѣна 10 коп.
- Другъ черныхъ-Давидъ Ливингстонъ. Обработано по чиненіямъ Ливингстона *М. В. Тилицесвой*. Съ рис. Цѣна 15 коп.
- Сербія. Очеркъ *М. Тилицесвой*. Съ 14 рис. Цѣна 15 коп.

Главный складъ всѣхъ изданій „Школьной Библиотеки“ находится при журнале „Семья и Школа“ (Москва, Гончарная ул., д. № 17).

Отдѣленія склада: книжный складъ „Провинція“ (Петроградъ) книжный складъ *Н. Карбасникова* (Москва, Петроградъ).

Цѣна 35 коп.

Цѣна 15 коп.

ТРИО-ЛИТ. РУССКОГО ТОВАРИЩЕСТВА. МОСКВА.

Биографіи замѣчательныхъ людей.

- Ломоносовъ. Очеркъ *А. Кизеветтера*. Съ 7 рис. Цѣна 10 коп.
- Пѣвецъ Украйны *Т. Г. Шевченко*. *М. Клоковой*. Съ рисунками и портретами Шевченко. Цѣна 30 коп.
- М. Ю. Лермонтовъ*. *М. Клоковой*. Съ рис. Цѣна 10 коп.
- И. С. Тургеневъ*, его жизнь и труды. *Серія Орловскаго*. Ц. 20 к.
- Н. В. Гоголь въ разсказахъ современниковъ*. Сборникъ. Составилъ *В. Львовъ*. Съ рисунками. Цѣна 40 коп.
- Юганнъ Гутенбергъ*, изобрѣтатель книгопечатанія. *М. Клоковой*. Съ 17 рис. Цѣна 20 коп.
- Авраамъ Линкольнъ*, освободитель негровъ въ Америкѣ. *К. Н-ко*. Съ 8 рис. Цѣна 20 коп.
- Король фабричныхъ дѣтей—Ричардъ Остлеръ*. *Е. Волковой*. Цѣна 12 коп.
- Святой докторъ*. Жизнь и дѣятельность *Ф. П. Гааза*. *М. Клоковой*. Съ рис. и портретомъ *Ф. П. Гааза*. Цѣна 15 коп.
- Микель Анджело*. *М. В. Арзамельской*. Съ 8 рис. Ц. 20 коп.
- Букеръ Вашингтонъ*. Исторія одного негра. *М. В. Тилицесвой*. Съ рис. Цѣна 20 коп.
- Исторія одной жизни*. Елена Келлеръ. Жизнь слѣпой-глухой. Обработано для дѣтей *М. В. Тилицесвой*. Съ рисунками. Цѣна 35 коп.

Очерки и разказы историческаго содержанія.

- Крѣпостное право и освобожденіе крестьянъ*. Историческій очеркъ. *М. Клоковой*. Съ 8 рис. Цѣна 15 коп.
- Двѣнадцатый годъ*. По разсказамъ современниковъ, русскихъ и французовъ. Составилъ *В. Л.* Съ рис. Цѣна 20 коп.
- Польша и ея историческія судьбы*. Истор. очеркъ. *В. Л.* Съ рис. Цѣна 25 коп.
- Принцъ-лѣнгаръ*. Историческій разказъ изъ временъ Бориса Годунова. *Е. Волковой*. 2-ое изданіе. Цѣна 25 коп.
- Вѣрность до гроба*. Повѣсть изъ временъ Карла Великаго. *Феликса Дана*. Передѣлано для дѣтей. Цѣна 30 коп.
- Послѣдніе дни Помпей*. Историческая повѣсть *Э. Бульвера*. Обработано для дѣтей *М. В. Тилицесвой*. Съ рис. Цѣна 60 коп.

Сборники стихотвореній.

- „Русскимъ дѣтямъ“. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ для дѣтей младшаго возраста. 2-ое изданіе. Съ рис. Цѣна 20 к.
- Маленькій кобзарь*. Избранныя стихотворенія *Т. Шевченко* на малороссійскомъ языкѣ и въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Съ рисунками и портретомъ *Шевченко*. Цѣна 12 коп.
- Тютчевъ, Фетъ и Апухтинъ*. Избранныя стихотворенія. Ц. 10 к.

ВЛ. ЛЬВОВЪ.

С 91
189

РУССКАЯ
ЛАПЛАНДІЯ
И РУССКІЕ ЛОПАРИ.

98450

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

СЪ РИСУНКАМИ И КАРТОЙ ЛАПЛАНДІИ.

1966 г.

— ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ. —

1948

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

1955

МОСКВА. — 1916.

Типо-литографія Русскаго Товарищества Печати. и Издательск. дѣла.
Чистые Руды Мыльниковъ перулокъ., с. д. Телефонъ № 18-35.

1995

Кабинет Севера

ИСТОЧНИКИ.

1. Н. Харузинъ. Русскіе лопари. 1890.
2. Н. Дергачевъ. Русская Лапландія. Статистическій, географическій и этнографическій очерки. Архангельскъ. 1877.
3. Д. Бухаровъ. Повѣдка по Лапландіи осенью 1883 года.
4. Д. Н. Островскій. Лопари и ихъ преданія. Извѣстія Императ. Русск. Геогр. Общ. 1889 г. Вып. IV.
5. А. Ященко. Нѣсколько словъ о Русской Лапландіи. Этнографическое Обозрѣніе. 1892 г. № 1.
6. Н. Нудрявцевъ. Кольскій полуостровъ. Труды Спб. Общества естествоиспытателей. Т. XII.
7. А. П. Энгельгардтъ. Русскій Сѣверъ. 1897.
8. А. Елистревъ. По бѣлу свѣту. Т. II.
9. В. Х. На сѣверѣ. Путевыя воспоминанія.
10. В. И. Немировичъ-Данченко. Лопская земля. (Живописная Россія. Т. I.)
11. " Лапландія и лапландцы.
12. " Страна холода.
13. Д. Н. Островскій. Путеводитель по Сѣверу Россіи. 1899.

На крайнемъ сѣверѣ Европы, тамъ, гдѣ сливаются волны Ледовитаго и Атлантическаго океановъ, находится обширная страна, съ давнихъ поръ населенная народомъ лопарями и называемая *Лапландіей* или *Лопской землей*. Въ старинныхъ финскихъ преданіяхъ, собранныхъ въ Калевалѣ, Лапландія изображается какъ страна полусказочная, полная таинственности и чародѣйствъ. Это — та вѣчно мрачная Похьола, гдѣ распоряжается Лоухи, сѣвера хозяйка, которая похищаетъ солнце и мѣсяць и заключаетъ ихъ въ пещеру; куда ѣздятъ герои Калевалы свататься къ дочери Лоухи, и гдѣ чуть не погибъ отъ руки лапландца Юкагайнена „старый вѣрный Вейнемейненъ, вѣковѣчный пѣснопѣвецъ“. Все необычно и сверхъестественно въ этой странѣ. Самая природа ея изображается въ Калевалѣ какъ царство льда и снѣга:

„Много снѣгу на Похьолѣ,
 Много льду въ деревнѣ хладной:
 Снѣга рѣки, льда озера;
 Тамъ блеститъ застывшій воздухъ,
 Зайцы снѣжные тамъ скачутъ,
 Ледяные тамъ медвѣди

На вершинахъ снѣжныхъ ходять,
По горамъ изъ снѣга бродять.
Тамъ и лебеди изъ снѣга,
Ледяныхъ тамъ много утокъ,
Въ снѣговомъ живутъ потокѣ,
Въ ледяной плывутъ пучинѣ^а 1).

Также сверхъестественны представляются и обитатели Похьолы, эти страшные чародѣи, своими заклинаньями наводящіе ужасъ на жителей Калевалы (Финляндіи).

„Приходи, о сынъ Похволы,
Ты Лапландіи питомецъ,
Длинный мужъ земли печальной!
Вышиной съ сосну ты будешь,
Будешь съ ель величиною;
У тебя изъ снѣга обувь,
Снѣговья рукавицы;
Носишь ты изъ снѣга шапку,
Снѣговой на чреслахъ поясъ“.

Мать Лемминкейнена, младшаго изъ героевъ Калевалы, уговаривая его не ходить въ Похьолу, говоритъ ему:

„Не ходи ты, мой сыночекъ,
Въ села дальнія Похьолы,
Не ходи безъ чародѣйства,
Безъ премудрости всевластной
Къ очагамъ дѣтей Похьолы,
На поля дѣтей лапландскихъ.
Запостъ тебя лапландецъ,

1) Калевала въ переводѣ Л. Бѣльскаго.

Заклянетъ тебя турьянецъ¹⁾,
По уста положить въ угли,
Въ пламя голову и плечи,
Въ золу жаркую всю руку
На каменяхъ раскаленныхъ“.

И въ послѣдствіи, долго спустя, въ воображеніи нѣкоторыхъ сосѣднихъ народовъ съ понятіемъ о Лапландіи связывалось много сказочнаго; и даже въ настоящее время, вслѣдствіе малаго знакомства съ этой страной, о ней существуетъ у многихъ одностороннее представленіе только какъ о странѣ вѣчнаго холода и вѣчнаго мрака, которое однако должно разсѣяться при ближайшемъ изученіи природы Лапландіи и жизни ея обитателей.

Почти вся Лапландія, за исключеніемъ только небольшой своей южной окраины, лежитъ за полярнымъ кругомъ. Такимъ образомъ южной границей ея можно считать полярный кругъ, между тѣмъ какъ на сѣверѣ ее ограничиваютъ два океана. Въ этихъ предѣлахъ Лапландія занимаетъ весь сѣверъ Скандинавіи, сѣверную часть Финляндіи и Кольскій полуостровъ. Такимъ образомъ она принадлежитъ тремъ государствамъ: Россіи, Швеціи и Норвегіи, при чемъ больше половины всего ея пространства приходится на долю Россіи. Сѣверная часть Финляндіи, населенная лопарями, носитъ названіе *Финляндской Лапландіи*; а внутренность Кольскаго полуострова называется собственно *Русской Лапландіей*.

Если по пространству больше половины Лапландіи принадлежитъ Россіи, то по количеству населенія на

¹⁾ Житель Норвегіи.

долю Россіи приходится гораздо меньше, чѣмъ на долю Швеціи и Норвегіи. Всего лопарей считаютъ около 25.000. Изъ этого числа въ Норвегіи живетъ 15.000, въ Швеціи — 6.000. Въ Россіи же немного болѣе трехъ тысячъ: около 2.000 на Кольскомъ полуостровѣ и 1.200 въ Финляндіи.

Въ слѣдующихъ очеркахъ мы коснемся только той части Лапландіи, которая принадлежитъ собственно Россіи, и жизни русскихъ лопарей.

I. Русская Лапландія.

(Географическій очеркъ).

Кольскій полуостровъ, или Русская Лапландія, тянется съ запада на востокъ, отъ границъ Норвегіи и Финляндіи до Бѣлаго моря, приблизительно на 650 верстъ; а съ сѣвера на югъ наибольшая ширина его достигаетъ 400 верстъ. Весь сѣверный его берегъ отъ границы Норвегіи до мыса Св. Носа, называется *Мурманскимъ берегомъ*. Восточный и юго-восточный берегъ, отъ Св. Носа до устья рѣки Варзуги, называется *Терскимъ*; а южный — отъ Варзуги, до селенія Кандалакши — *Кандалакшскимъ берегомъ*. Все же пространство внутри полуострова носитъ названіе *Русской Лапландіи*.

Лапландія далеко не такая однообразная страна, какъ наша сѣверная тундра, населенная самоѣдами. Прежде всего поверхность Лапландіи по большей части не ровная, а гористая; горы, хотя и не высокія, перерѣзываютъ ее по всѣмъ направлениямъ. Другая особенность, отличающая ее отъ самоѣдской тундры, — обиліе лѣсовъ. Несмотря на то, что почти вся Лапландія лежитъ за полярнымъ кругомъ, въ ней много лѣсовъ, притомъ

лѣсовъ глухихъ, непроходимыхъ. Они встрѣчаются и на ровныхъ мѣстахъ и по горамъ. Третья особенность Лапландіи, на этотъ разъ общая съ самоѣдской тундрой, — масса воды: рѣки, рѣчки, озера и болота встрѣчаются въ ней на каждомъ шагу. Огромныя пространства въ ней занимаютъ также „тундры“, которыя слѣдуетъ строго отличать отъ болотъ. Тундрой въ Лапландіи никогда не называютъ топкое болотистое мѣсто; напротивъ, подъ этимъ именемъ всегда подразумѣвается непременно *сухое*, покрытое ягелемъ мѣсто, безразлично находится ли оно на равнинѣ или на вершинѣ горы или въ лѣсу. Нѣкоторые путешественники замѣчали даже, что именемъ тундры лопари преимущественно называютъ каменистыя горы, покрытыя ягелемъ, и что будто бы русскія слова „гора“ и „тундра“ имѣютъ у нихъ одинаковый смыслъ ¹⁾.

Общій характеръ мѣстности въ Лапландіи каменистый. Въ болотахъ камень часто скрывается подъ моховымъ покровомъ; въ лѣсу его покрываетъ тотъ же мохъ; въ рѣкахъ, озерахъ и ручьяхъ камень устилаетъ дно. По берегамъ во многихъ мѣстахъ разбросаны крупныя валуны, обыкновенно покрыты лишаями. Наконецъ, общій видъ каменистости дополняетъ гористая тундра.

Горы въ Лапландіи составляютъ продолженіе Скандинавскихъ и распространены въ особенности въ западной части страны, постепенно понижаясь по направленію къ востоку. Онѣ не высоки и рѣдко достигаютъ болѣе 1000 футовъ. Онѣ рѣдко образуютъ длинныя кряжи, но обыкно-

¹⁾ Напр., недалеко отъ г. Колы есть гора, называемая Горѣлой тундрой. Хибинскія горы называются также Хибинскими тундрами. Другое, распространенное для горъ названіе — *варака*. Напр., Караульная, Осиновая варака, т.-е. гора. Наконецъ, возвышенныя мѣста покрытыя ягелемъ, называются также *кегорами*.

венно представляют отдѣльно разбросанныя гранитныя массы, нагроможденныя другъ на друга. На Мурманскомъ берегу горы круто подступаютъ къ самому океану, въ видѣ черныхъ, мрачныхъ утесовъ, по большей части лишенныхъ какой бы то ни было растительности. На южномъ, Кандалакшскомъ берегу онѣ имѣютъ иной характеръ

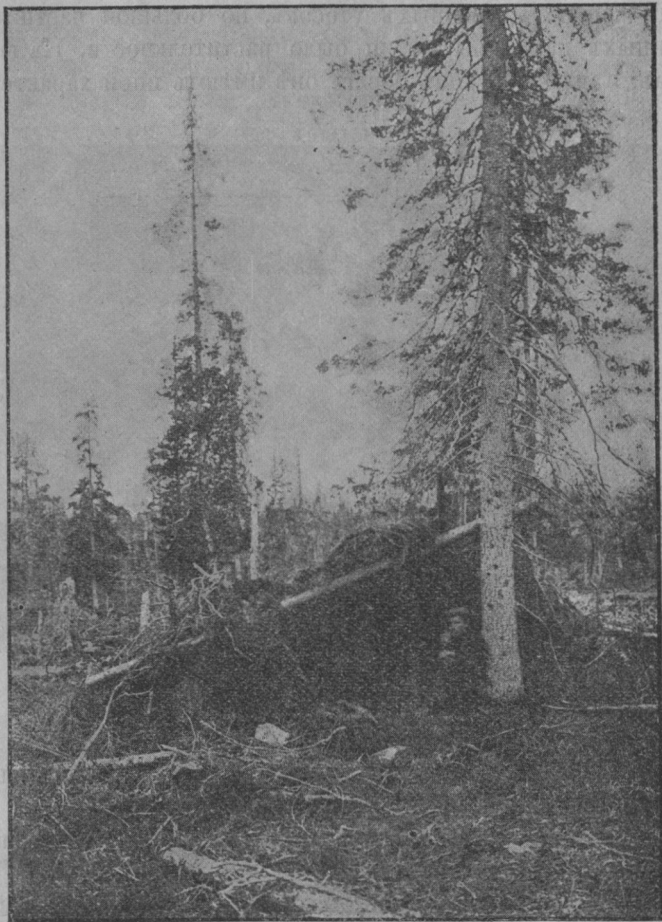

Береговыя горы и островъ на лапландскомъ озерѣ.

и покрыты отъ самой подошвы до вершины густымъ еловымъ лѣсомъ. Нѣжныя, мягкія очертанія этихъ горъ и зелень, ихъ покрывающая, заставляютъ забывать, что находишься на далекомъ сѣверѣ.

Наиболѣе высокія горы находятся внутри страны, на восточномъ берегу огромнаго озера Имандры, и называются

Хибинскими. Онѣ поднимаются нѣсколько выше 1000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Лѣсъ въ Лапландіи.

Горы внутри страны то покрыты лѣсомъ, то одѣты сплошнымъ зеленовато-бѣлымъ ковромъ ягеля, изъ-подъ котораго мѣстами выглядываютъ голыя гранитныя вершины.

Несмотря на географическое положеніе Лапландіи, лѣса въ западной ея части распространены до самаго крайняго сѣвера, при чемъ очень часто ни хвойныя, ни лиственные деревья не мельчаютъ и не становятся корявыми. На югѣ страны растетъ отличный строевой сосновый лѣсъ. Кромѣ сосны, встрѣчаются ель, береза, осина, рябина, ольха. Осины попадаются иногда цѣлыми рощами. На сѣверѣ, по рѣкѣ Колѣ, древесная растительность густо устилаетъ склоны горъ по обоимъ берегамъ. Крупныя, густолиственные березы перемѣшаны тутъ съ осиною, ольхою, рябиною, верескомъ, сосною и ерникомъ. Одинъ путешественникъ рассказываетъ, что на рѣкѣ Туломѣ онъ нашелъ 9-го августа вполне вызрѣвшую красную смородину. Только ель на сѣверѣ теряетъ свой типичный видъ: рядомъ съ хорошо развитыми деревьями часто встрѣчаются совсѣмъ чахлыя, тощія, вытянувшіяся въ высоту, съ тонкими, точно чахоточными стволами и рѣдко разставленными короткими сучьями. Вообще же даже на горахъ, на довольно большой высотѣ, часто встрѣчаются крупныя деревья.

Но мѣстами можно наблюдать и совершенно противоположныя картины. Вслѣдъ за хорошимъ, крупнымъ лѣсомъ вдругъ слѣдуетъ кочковатая, болотистая мѣстность, на которой растутъ рѣдкія и мелкія сосны и корявыя березки со скрученными и уродливо-выгнутыми низкорослыми стволами. И такія мѣстности съ бѣдною рѣдкою растительностью иногда тянутся на большомъ пространствѣ. Эти рѣзкія перемѣны и слабая растительность во многихъ мѣстахъ Лапландіи объясняются нѣкоторыми наблюдате-

лями какъ слѣдствіе крайне тощаго грунта, такъ какъ климатъ Лапландіи самъ по себѣ не препятствуетъ распространенію въ ней растительности до самыхъ крайнихъ сѣверныхъ предѣловъ ¹⁾).

Попадаются въ Лапландіи и дремучія, чисто дѣвственныя непроходимыя дебри, куда можетъ проникнуть только лопарь или страстный охотникъ, и гдѣ нѣтъ другого пути, кромѣ рѣчки да тропки, протоптанной звѣремъ.

Въ лапландскихъ лѣсахъ господствуетъ глушь и безлюдье. Жизнь въ нихъ незамѣтна. Не слышно ни пѣнія птицъ, ни криковъ звѣрей. Это своеобразная черта Лапландіи: всюду все въ ней молчить, точно все замерло, застыло... И только быстрыя рѣчки своимъ шумнымъ потокомъ и своими бурными порогами и водопадами нарушаютъ ея могильную тишину.

Лапландскія рѣчки отличаются быстрымъ теченіемъ. Это происходитъ вслѣдствіе того, что почва здѣсь неровная и часто образуетъ значительные уклоны. Кромѣ того, часто теченію рѣчки мѣшаютъ большіе камни, загромождающіе всю ширину ея русла и образующіе настоящіе пороги. Рѣка тутъ бурлитъ, пѣнится, бьется, переплескиваетъ черезъ камни и съ шумомъ несетя между ними. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пороги достигаютъ такой вышины, что вода, проходя ихъ, образуетъ водопадъ, по-мѣстному „падунъ“. Здѣсь почти не встрѣчается рѣчки, въ которой не было бы одного или нѣсколькихъ пороговъ и водопадовъ.

Плывя по рѣкамъ Лапландіи, вдругъ среди окружающей тишины слышишь какой-то смутный гулъ, доносящійся издали. Это шумъ падуна. Чѣмъ ближе, тѣмъ этотъ гулъ

¹⁾ Н. Кудрявцевъ: „Кольскій полуостровъ“.

становится все громче и громче, и наконецъ, когда уже находишься около самаго падуна, шумъ его совершенно оглушаетъ. Еще путникъ находится далеко отъ самыхъ пороговъ, а уже лодку начинаетъ бросать о камни, какъ щепку. Тогда пловцы пристають къ берегу и идутъ вдоль него пѣшкомъ, таща лодку по водѣ на веревкѣ и осторожно обводя ее между выдающихся камней, или же предоставляютъ лодку лопарямъ, съ удивительною ловкостью проводящимъ ее среди камней, о которые она каждый мигъ можетъ разбиться.

Нашъ извѣстный путешественникъ А. В. Елисѣевъ, совершившій, между прочимъ, путешествіе и по Лапландіи, интересно описываетъ, какъ въ сопровожденіи гребцовъ-лопарей онъ переѣзжалъ черезъ пороги.

„Пробираешься, бывало, въ какой-то бѣшеной, дикой скачкѣ черезъ тотъ или другой порогъ. Карбасъ пляшетъ и кружится, то выпрыгивая, то накренясь, то утопая въ мелкихъ волнахъ взбитой о камни воды. Бѣлые барашки вьются вокругъ жалкой лодчонки, ударяя ее объ острые камни и заливая брызгами и гребцовъ и сѣдока. Какъ-то жутко становится на сердцѣ, когда бѣжишь на маленькой скорлупѣ между рядами острыхъ камней, которые, какъ зубы хищника, готовы вцѣпиться и прокусить жалкую обшивку нашей ладьи. Знаешь, что малѣйшая оплошность со стороны лопаря, одинъ ударъ объ острый уголь камня, небольшой уклонъ въ сторону—и отъ карбаса и его пловцовъ не останется ничего. Но чѣмъ дальше ѣдешь впередъ, чѣмъ больше знакомишься съ падунами, тѣмъ болѣе привыкаешь къ нимъ и начинаешь находить даже удовольствіе въ этой неразумной борьбѣ съ водой и камнемъ, въ этой бѣшеной скачкѣ, гдѣ рискуешь здоровьемъ и головой.

„Гораздо пріятнѣе было обходить пороги и волочить свой карбась подобно древнимъ варягамъ на волокахъ. Не легка эта работа для трехъ человѣкъ, обремененныхъ провизіей, оружіемъ и одеждой, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по берегу идетъ трясина или глубокій лѣсъ. Гдѣ можно было, мы „брѣдили“, т.-е. тянули свою лодчонку по водѣ, пробираясь сами по берегу. Какую страшную затрату силъ приходилось дѣлать порой, понятно будетъ, если мы скажемъ, что мѣстами грозный потокъ воды такъ стремительно тащилъ нашъ карбась назадъ, что мы всѣ втроемъ падали на землю и, упираясь ногами, еле сдерживали его. Порой намъ приходилось по грудь тащиться въ холодной водѣ или мѣсить жидкую грязь, не имѣя возможности осушиться. Не помогали тутъ ни теплая шведская куртка, ни шерстяная фуфайка, ни толстая блуза, ни кожаные кумаги, т.-е. башмаки изъ оленьей шкуры, наполненные сѣномъ“.

Пороги иногда бываютъ очень грозны. Скалы тѣсно стоятъ вдоль всей рѣки. Между ними промежутки, въ которые не пройдетъ и маленькій челнокъ. Вода между ними какъ-то клубится, словно не волны, а тучи идутъ черезъ порогъ.

Самый знаменитый изъ лапландскихъ пороговъ находится на рѣкѣ *Туломъ* ¹⁾. Рѣка эта имѣетъ много пороговъ и водопадовъ. Но самый знаменитый изъ нихъ находится поблизости отъ такъ называемаго *Туломскаго погоста* ²⁾. Тутъ Тулома, стѣсненная гранитными стѣнами, разъяренная сотнями пороговъ, останавливающихъ и разрывающихъ ея паденіе, низвергается съ высоты шести-

1) Рѣка Тулома впадаетъ въ Кольскій заливъ Ледовитаго океана.

2) Погостами называются зимнія поселенія или деревни лопарей.

семи саженой, почти отвѣсно одной массой, что и составляетъ ея особенную прелесть.

„Я видѣлъ на своемъ вѣку много водопадовъ, — говоритъ А. В. Елисеѣвъ, — и ни одинъ такъ не поразилъ меня, какъ этотъ невѣдомый Туломскій падунъ. Ни *Иматра*, ни *Трольетта* ¹⁾, ни даже могучій *Кивачъ*, не говоря

Туломскій водопадъ.

уже о прославленныхъ водопадахъ *Шафгаузенъ* ²⁾ и *Штаубахъ* ³⁾, не могутъ сравниться съ нимъ. Подобіе Туломскому падуну надо искать въ великихъ водопадахъ

¹⁾ Водопадъ въ Швеціи, на рѣкѣ Готѣ.

²⁾ Шафгаузенъ — такъ наз. Рейнскій водопадъ возлѣ города Шафгаузена, въ Швейцаріи.

³⁾ Штаубахъ — водопадъ въ Швейцаріи.

Сѣверной Америки и Замбезе. Рядъ озеръ на Туломѣ дѣлаютъ очаровательнымъ путешествіе по ней, если бы постоянные пороги не задерживали ладьи. Самыми знаменитыми изъ нихъ являются Кривецъ и Сухонъ, которые, по сравненію съ Туломой, я смѣло сопоставилъ бы съ прославленными порогами Нила. Скалы на Туломѣ устались поперекъ всей рѣки такъ тѣсно, что мѣстами остаются лишь однѣ щели для пролета птицъ. Страшный напоръ воды въ этихъ щеляхъ вздымаетъ цѣлыя горы и образуетъ рядъ водоворотовъ, нарушающихъ на цѣлыя версты равновѣсіе Туломской струи“.

Вообще теченіе Туломы представляетъ одну изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей во всей Лапландіи. „Человѣку, которому пришлось бы неожиданно очутиться здѣсь,—говоритъ одинъ очевидецъ,—никакъ не захотѣлось бы повѣрить, что онъ находится на крайнемъ сѣверѣ Архангельской губерніи. Весь характеръ мѣстности, красивыя скалистыя горы, живописныя, роскошно облитвенные островки, неожиданныя повороты рѣки съ ея порогами и въ особенности роскошь и разнообразіе растительности, бросающіяся въ глаза, поражаютъ каждаго“¹⁾.

Рѣка Тулома беретъ начало изъ Ноть-озера и, протеки 60 верстъ, сливается съ другой сѣверной рѣкой, *Колой*, какъ разъ въ мѣстѣ впаденія своего въ *Кольскую губу*. При соединеніи своемъ обѣ рѣки образуютъ острый мысъ, незначительной высоты, на которомъ расположенъ городокъ *Кола*.

Изъ другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, замѣтимъ *Пазъ-рѣку* и *Печену*. Въ *Пазрѣцкомъ* по-

¹⁾ Н. Кудрявецъ. „Кольскій полуостровъ“.

ростъ, расположенномъ на берегу Пазь-рѣки, сохранилась до сихъ поръ самая древняя въ Лапландіи церковь, до имя свв. Бориса и Глѣба. Печенга же извѣстна своимъ монастыремъ, хотя и новымъ — построеннымъ въ 80-хъ годахъ, но на мѣстѣ древняго монастыря, основаннаго въ XVI вѣкѣ первымъ просвѣтителемъ лопарей, Трифономъ Печенгскимъ.

Изъ множества лапландскихъ озеръ особенно огромной величиной отличается *Имандра*. Оно вытянулось въ длину, съ сѣвера на югъ, приблизительно на 100 верстъ, ширина его измѣняется отъ 5 до 30 верстъ. Изъ Имандры на югъ, въ Кандалакшскій заливъ, течетъ небольшая, но бурная рѣчка *Нива* (33 версты). Мѣстность ея дика и живописна; но теченіе ея настолько бурно и порожисто, что на большей части ея протяженія плавать на лодкѣ невозможно.

Озера лапландскія, особенно большія, отличаются необыкновенною прозрачностью и въ тихую погоду совершенно спокойны и неподвижны. Но стоитъ подуть вѣтру, и озеро, еще недавно спокойное, уже покрывается грозными волнами, которыя дѣлаютъ опаснымъ по немъ плаваніе.

Лучшее украшеніе озеръ составляетъ безчисленное множество расположенныхъ среди нихъ острововъ, которые то покрыты зеленымъ лѣсомъ, то представляютъ просто голыя скалы. Иногда это только небольшой утесъ, изъ трещинъ котораго поднимается нѣсколько елей. Иногда среди воды можно увидеть зеленѣющую березку: клочокъ земли подъ нею такъ малъ, что его вовсе не видно...

Лапландскія рѣки и озера богаты рыбой. Особенно много ловится въ нихъ семги и сига. Этой рыбы тутъ

такое множество, что ею кормится вся Лапландія уже нѣсколько вѣковъ. Въ нѣкоторыхъ рѣкахъ встрѣчается также жемчугъ, по большей части невысокаго качества. Его въ особенности покупають зажиточныя поморки, которыя любятъ украшать имъ свои головные уборы.

Кромѣ рыбы и жемчуга, въ Лапландіи, въ ея лѣсахъ, водится много пушныхъ звѣрей. Лисицы, зайцы, бѣлки, горностаи, куницы, выдры, песцы, росомахи, пеструшки, рыси, норки и ласки встрѣчаются еще въ большомъ количествѣ, хотя далеко не такъ, какъ въ прежнее время. Когда-то по берегамъ лапландскихъ рѣкъ водились и дорогіе бобры, но теперь они вовсе не встрѣчаются. Въ лѣсахъ водится много волковъ и медвѣдей; въ гористыхъ лапландскихъ тундрахъ встрѣчаются дикіе олени. Много также водится птицъ, особенно водяныхъ и морскихъ. Прибрежныя скалы, особенно на Мурманѣ, иногда до того полны птицъ, что представляютъ настоящее птичье царство, или такъ-называемые „птичьи базары“. Часто эти скалы образуютъ выемки и ступени, и на всѣхъ этихъ выемкахъ сидятъ цѣлыми сотнями и тысячами чайки, гагары и другія морскія птицы, крича и постоянно перемѣщаясь съ мѣста на мѣсто.

Климатъ Лапландіи вообще довольно суровый, но не вездѣ одинаковый. Внутри страны зимою бываетъ холоднѣе, чѣмъ у береговъ, гдѣ море нѣсколько смягчаетъ холодъ. У сѣвернаго, такъ называемаго Мурманскаго берега океанъ даже вовсе не замерзаетъ, благодаря тому, что тутъ проходитъ теплое морское теченіе — вѣтвь Гольфштрема. Зима въ Лапландіи наступаетъ въ началѣ октября и продолжается до апрѣля. Въ концѣ октября уже вполнѣ устанавливается зимній путь. Съ 13-го ноября по 3-е января стоитъ долгая полярная ночь. Однако она

не такъ уже темна, какъ иногда воображаютъ. Хотя солнце все это время вовсе не показывается, но каждый день, въ полдень, бываетъ на часъ и болѣе столько свѣта, что можно обойтись безъ свѣчей. Чистый, блестящій снѣгъ ярко отсвѣчиваетъ отъ себя и даетъ нѣкоторый свѣтъ. Кромѣ того, часто во время зимы небо озаряется сѣвернымъ сіяніемъ, которое своей красотой какъ бы вознаграждаетъ жителей за лишеніе ихъ солнечнаго свѣта.

Зимой тутъ свирѣпствуютъ страшные вѣтры. Бѣда, если путника застанетъ непогода среди безлюдной мѣстности. Холодный, сѣверный вѣтеръ такъ и рвется и свиститъ, засыпая снѣгомъ и забираясь ледящей струею подъ затвердѣлую и уже не грѣющую шубу.

Но не все же время длится такая суровая погода. Въ половинѣ апрѣля снѣгъ начинаетъ таять. Наступаетъ весна. Въ первыхъ числахъ мая рѣки освобождаются отъ льда; но зелень показывается только со второй половины мѣсяца и то лишь на южныхъ склонахъ горъ. Съ 12-го мая по 9-е іюля солнце не сходитъ уже съ горизонта: нѣтъ ни сумерекъ, ни ночи, — наступаютъ полярные дни. Лѣто продолжается съ половины іюня до половины августа. Благодаря непрерывному свѣту растенія развиваются крайне быстро и въ іюлѣ уже отцвѣтаютъ.

Вслѣдствіе суроваго климата земледѣліе совершенно невысказуемо въ этой странѣ. Изъ овощей тутъ могутъ расти только рѣпа и картофель. Но по берегамъ рѣкъ встрѣчаются довольно хорошіе луга, а потому скотоводство возможно даже на сѣверномъ, Мурманскомъ берегу Лапландіи.

Путешествія по Лапландіи соединены съ большими затрудненіями. Дорогъ тутъ не существуетъ, какъ мы понимаемъ ихъ. Лѣсъ, горы и болота — вотъ что встрѣчаетъ здѣсь путешественникъ на всякомъ шагу. Порой путь идетъ черезъ дремучій, непроходимый лѣсъ, порой черезъ небольшіе кручи и овраги съ еще нарастающимъ снѣгомъ, а иногда черезъ такія трясины, что чуть оступишься и провалишься въ болото. И цѣлые десятки верстъ приходится иногда идти черезъ такія топкія болота, съ трудомъ ступая по невысокимъ кочкамъ и таща на себѣ тяжелую ношу. Только когда пройдешь такимъ способомъ нѣсколько верстъ и выйдешь, наконецъ, къ какому-нибудь озерку или рѣчкѣ, только тогда можно нѣсколько легче вздохнуть. Но не всегда приходится отдохнуть и на водѣ. Плывая по рѣкѣ, надо постоянно остерегаться пороговъ, которые встрѣчаются очень часто. Иногда приходится и совсѣмъ вылѣзть изъ лодки и тащить ее на себѣ по трясинѣ. Такъ только и можно путешествовать лѣтомъ.

Но какъ ни труденъ путь по Лапландіи, однако всего тяжелѣе приходится отъ комаровъ — отъ этой страшной комариной силы, которая въ продолженіе всего лѣта не даетъ тутъ покоя ни людямъ, ни животнымъ.

Путешественникъ А. В. Елисеѣвъ, побывавшій во многихъ странахъ Востока и испытавшій на себѣ и москитовъ Нильской долины и всевозможную мошкару Европы, Африки и Азіи, сознается, что никто не доставлялъ ему такого мученія, какъ комары въ Лапландіи. „Меня ѣли всевозможныя двукрылыя, — рассказываетъ онъ: — комары низовьевъ Волги, Кубанскихъ плавней и Дунайскихъ болотъ, москиты Нильской дельты, скнипы Иорданской долины и всевозможная мошкара трехъ ча-

стей свѣта, но всего горше и тяжелѣе мнѣ пришлось въ тундрахъ приполярныхъ странъ, гдѣ цѣлыя тучи комаровъ, затемняющія свѣтъ, наполняютъ воздухъ, не давая покоя ни на минуту ничему живому. Отъ нихъ нѣтъ никакого избавленія. Они преслѣдуютъ тучами и человѣка и животное, не только жала снаружи, забираясь и въ глаза и въ носъ, но и въ уши. Вздохнешь — и десятки комаровъ уже набились въ горло, мигнешь — и опять комаръ-другой застрянетъ между вѣками. Дышать становится трудно, и немудрено, что лѣсныя животныя приходятъ въ изступленіе отъ нападенія комариной рати. Съ проволочною сѣткой на лицѣ, закутавшись весь въ доху, въ охотничьихъ сапогахъ и кожаныхъ рукавицахъ я, какъ въ бронѣ, былъ неуязвимъ для комаровъ во время сна, но зато днемъ они ѣли меня страшно, такъ что у меня опухали все лицо, шея и руки отъ постоянныхъ укушеній. Вѣки напухали до того, что глазная щель суживалась. Я повѣрилъ тогда рассказамъ лопарей, что бываютъ случаи, когда комары заживо заѣдаютъ человѣка“.

Лѣтомъ, въ хорошую погоду, удобнѣе путешествовать ночью; въ это время и воздухъ свѣжѣе и не такъ утомительно итти, да и комары какъ-то меньше осаждаютъ путника. Тѣмъ болѣе солнце вовсе не сходитъ съ горизонта, и время — день, вечеръ или ночь — опредѣляется только часами.

Главный и наиболѣе удобный путь, проходящій поперекъ всей Лапландіи, идетъ отъ селенія *Кандалакши* — на южномъ берегу до городка *Колы* — на сѣверѣ. Путь этотъ лѣтомъ совершается отчасти на карбасахъ, отчасти же пѣшкомъ. Разстояніе между Кандалакшей и Колой по лѣтному пути считается $229\frac{1}{2}$ верстъ, и официально

считается, что путь этот можно пройти въ трое сутокъ. На самомъ же дѣлѣ, затрудненія, которыя встрѣчаютъ тутъ путешественники, настолько велики, что они проходятъ это разстояніе въ недѣлю, полторы и даже двѣ. Почти безъ перерыва на всемъ этомъ протяженіи идутъ рѣчки и озера, и только въ срединѣ пути остается единственная верста, гдѣ между океаномъ и Бѣлымъ моремъ нѣтъ непрерывной водной связи. Однако рѣчки мѣстами до того порожисты, что приходится обходить ихъ пѣшкомъ, дѣлая иногда версть отъ 7 до 18. Эти пѣшіе переходы, тянущіеся обыкновенно отъ одного озера до другого, называются *тайболами*. Мѣстами пѣшеходная дорога очень удобна, такъ что даже производитъ впечатлѣніе проѣзжей. Иногда же она становится совсѣмъ узкой и вьется по гористымъ и каменистымъ переходамъ. По болотамъ и топямъ настланы для удобства мостки, въ родѣ тротуаровъ, аршина въ два шириной. Итти по такимъ мосткамъ, если они хорошо устроены, очень удобно.

Станціи между Кандалакшей и Колой расположены верстахъ въ 30—50 одна отъ другой. Обыкновенно онѣ отдаются съ торговъ тому, кто за меньшую цѣну согласится держать ихъ. На торги по большей части являются только русскіе, которые потомъ уже въ свою очередь часто передаютъ ихъ съ большимъ барышомъ лопарямъ. Напр., какой-нибудь кольскій мѣщанинъ или зажиточный крестьянинъ изъ поморья арендуетъ станцію за 200—300 рублей въ годъ и затѣмъ частнымъ образомъ подражаетъ лопарей за 40—50 рублей. Содержатель станціи обязанъ по условію держать на каждомъ переѣздѣ лѣтомъ опредѣленное число лодокъ и гребцовъ, а зимой — оленей. При каждой станціи находится изба съ печью, гдѣ путникъ можетъ укрыться отъ непогоды,

согрѣться и переночевать. Проѣзжій тутъ, какъ и вездѣ, уплачиваетъ прогоны по числу верстъ и почтовыхъ лошадей, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ каждая лошадь замѣняется двумя „ямщиками“-лопарями. Они провожаютъ путника отъ станціи до станціи, несутъ его багажъ и везутъ его на лодкахъ по рѣкамъ и озерамъ. Лѣтомъ въ „ямщикахъ“ или гребцахъ часто служатъ женщины-лопарки. Нѣкоторые путешественники приводятъ случаи, когда при ихъ переѣздѣ въ числѣ гребцовъ бывала женщина съ груднымъ ребенкомъ, котораго она кормила въ промежуткахъ между греблей.

Но въ лѣтнее время немногіе ѣздятъ или, лучше сказать, проходятъ по этому пути. Изрѣдка только отправится по дѣламъ службы кто-нибудь изъ мѣстнаго начальства или же любитель-путешественникъ, пожелавшій ознакомиться съ природой этого края. Вообще же лѣтомъ сношенія съ Колой и со всѣмъ Мурманскимъ берегомъ обыкновенно производятся моремъ, на пароходахъ Архангельско-Мурманскаго общества. Напротивъ, зимой, съ прекращеніемъ паромства, открывается между Кандалакшей и Колой болѣе дѣятельное почтовое сообщеніе на оленяхъ. Самое оживленное здѣсь время—конецъ февраля и начало марта, когда тысячи поморовъ-промышленниковъ отправляются по этому пути на мурманскіе промыслы частью на оленяхъ, частью пѣшкомъ. Зимній путь немного короче лѣтняго, именно—215 верстъ, и при хорошей погодѣ и если нѣтъ недостатка въ оленяхъ, его можно сдѣлать всего въ $1\frac{1}{2}$ сутокъ.

Для ѣзды на оленяхъ въ Лапландіи употребляютъ троякаго рода сани: *чулки*—санки съ высокими полозьями; *керезжа* или *пумкъ*—легкія санки безъ полозьевъ, въ видѣ небольшой лодочки или корыта; и, наконецъ

балокъ—та же кережка, поставленная на полозья и закрытая парусиннымъ верхомъ. Хорошо устроенный балокъ тепель, покоенъ и удобенъ въ дурную погоду или на очень длинныхъ перегонахъ. Въ кережку обыкновенно впрягается одинъ олень; въ балокъ и санки впрягаютъ пару, тройку и даже четверку. Управляются олени всегда одной вожжой и погоняются длинной двухсаженной палкой (*хареэмъ*) ¹⁾.

Наиболѣе важное значеніе въ промышленномъ отношеніи представляетъ сѣверный берегъ Лапландіи, или *Мурманъ*. Рыболовные промыслы на Мурманъ начинаются въ апрѣлѣ и продолжаются до сентября. Въ это время тутъ собирается до трехъ тысячъ промышленниковъ-рыболововъ, главнымъ образомъ изъ Кемскаго, Онежскаго и Архангельскаго уѣздовъ. На восточномъ берегу рыбные промыслы находятся въ рукахъ нѣсколькихъ богатыхъ коммерсантовъ, такъ называемыхъ фактористовъ, которые имѣютъ свои факторіи, т.-е. соляные и хлѣбные склады, устройства для посола рыбы въ большихъ размѣрахъ и салотопенные заводы. На западномъ берегу властвуютъ финляндскіе и норвежскіе колонисты. Фактористы и немногіе изъ богатыхъ колонистовъ имѣютъ свои большія суда, которыя они посылаютъ съ грузомъ рыбы въ дальнее плаваніе въ Петроградъ и заграничные порты. При этомъ недостающую рыбу они покупаютъ по низкимъ цѣнамъ отъ мелкихъ хозяевъ-рыбопромышленниковъ. Эти хозяева, въ свою очередь, полные властелины работающих у нихъ поморовъ-покручен-

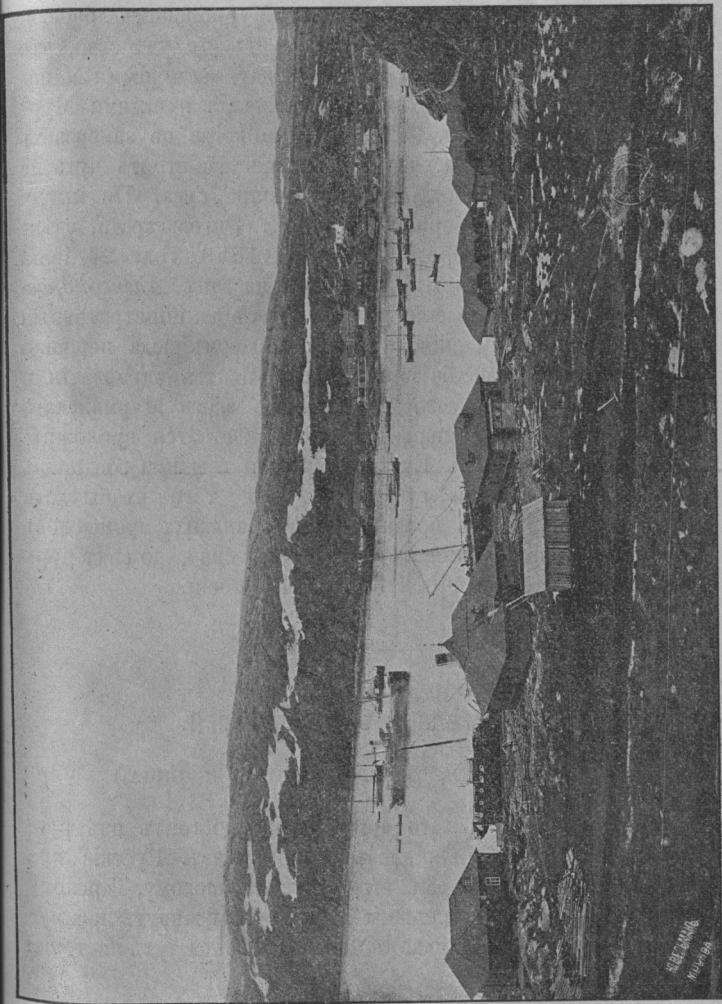
¹⁾ Д. Н. Островскій. „Путеводитель по Сѣверу Россіи“.

никовъ. Поморы, — являющіеся на Мурманъ, составляютъ небольшія артели и обыкновенно нанимаются къ какому-либо изъ зажиточныхъ крестьянъ или мелкихъ купцовъ. Заключаемый при этомъ договоръ называется *покрутомъ*, а сами рабочіе — *покрученниками*. Они заранее забираютъ у хозяина деньгами и товаромъ на уплату податей и пропитаніе семьи. За работу имъ слѣдуетъ $\frac{1}{3}$ всего улова. Но свою часть они могутъ продавать только своему же хозяину по назначаемой имъ цѣнѣ. И такъ какъ при этомъ расчетѣ вычитается за все забранное впередъ, и за товары хозяинъ также самъ назначаетъ цѣны, то въ результатѣ промышленники получаютъ ничтожную плату и остаются въ безысходной нуждѣ.

Главнымъ центромъ Лапландіи въ административномъ отношеніи былъ до послѣдняго времени городокъ *Кола*. Впрочемъ, на видъ Кола просто-напросто поморское село, съ сотнею дворовъ и семью сотнями душъ жителей. Улицъ нѣтъ, дома старые, кривые и разбросаны въ безпорядкѣ. Постройки всѣ деревянные, за исключеніемъ одного каменнаго казеннаго зданія и собора.

Лѣтомъ коляне занимаются рыбными промыслами; всѣ мужчины поголовно уходятъ на море, остаются только женщины да чиновники мѣстныхъ учреждений. Зимой коляне бездѣйствуютъ — нѣтъ ни работъ, ни промысловъ, и они проживаютъ то, что заработали лѣтомъ. Торговля сосредоточена въ рукахъ нѣсколькихъ лавочниковъ. Кроме того, многіе коляне ведутъ торговлю съ лопарями, которыхъ они сумѣли сдѣлать своими батраками.

Въ настоящее время Кола утратила свое административное значеніе. Верстахъ въ 60 къ сѣверу отъ нея и въ 15 верстахъ отъ открытаго океана расположена такъ называемая *Екатерининская гавань*, наиболѣе удобная

Екатерининская гавань и городъ Александровскъ.

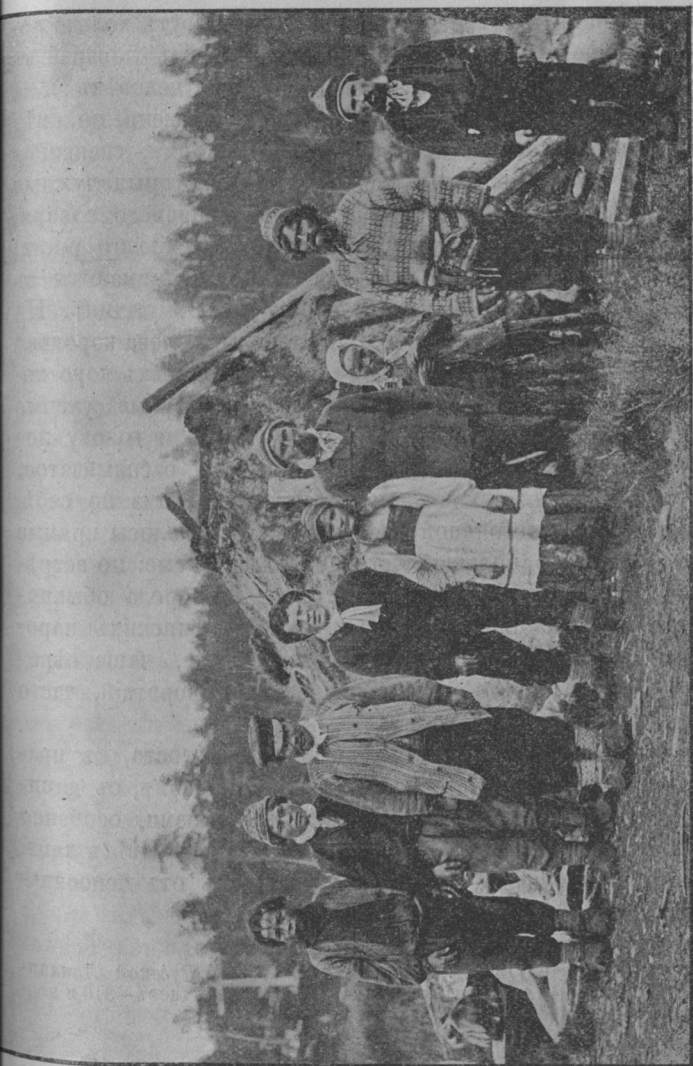
ВЕРДИАН
Мурман

для стоянки судовъ на всемъ Мурманскомъ берегу. Екатерининская гавань представляетъ то удобство, что расположена почти посрединѣ между восточными и западными становищами и промысловыми пунктами Мурманскаго побережья. Она почти никогда не замерзаетъ и настолько глубока, что въ ней могутъ стоять чуть не вплотную къ берегу самыя большія суда. По мысли архангельскаго губернатора А. П. Энгельгардта, здѣсь былъ построенъ городокъ, и въ 1899 году 24 іюня произошло его открытіе. Городъ названъ *Александровскомъ*. Сюда переведены изъ Колы всѣ административныя и казенныя учрежденія, и такимъ образомъ сюда перешло все прежнее значеніе Колы, какъ центра управленія и промышленности всего края. Вдоль всего Мурманскаго берега проведенъ теперь телеграфъ. Остается проложить желѣзную дорогу въ Екатерининскую гавань и соединить ее съ центральными губерніями, для того чтобы дать болѣе легкій сбытъ предметамъ мурманскихъ промысловъ и чтобы вообще оживить весь этотъ край, до сихъ поръ совсѣмъ отрѣзанный отъ остальной Россіи.

II. Внѣшній бытъ лопарей.

(Наружность, одежда, жилище и пища.)

Населеніе Кольскаго полуострова состоитъ изъ русскихъ, лопарей, финляндцевъ и норвежцевъ. Русскіе живутъ по всѣмъ берегамъ его — Кандалакшскому, Терскому и Мурманскому. Финляндцы и норвежцы живутъ преимущественно на Мурманскомъ берегу, образуя тутъ постоян-

Типы русскихъ лопарей.

ныя колоніи. Внутри же полуострова живутъ только лопари—коренные обитатели Лапландіи. Всѣхъ лопарей въ Русской Лапландіи считается около 2000 человекъ*).

Лопари принадлежатъ къ финскому племени, но, смѣшиваясь постепенно съ сосѣдными народами, скандинавами и русскими, они усвоили себѣ нѣкоторыя чуждыя черты. Поэтому трудно дать описаніе типичнаго лопаря.

По большей части они бываютъ маленькаго роста, благодаря чему многіе изъ нихъ не принимаются въ военную службу. Женщины еще ниже мужчинъ. На видъ они крѣпки, коренасты и здоровы. Голова короткая и совершенно круглая. Лопари—одни изъ самыхъ короткоголовыхъ людей на земномъ шарѣ. Первые ученые (антропологи), изучая этотъ народъ, назвали голову лопаря шаровидною. Лицо очень широкое, расплывчатое. Кожа смуглая, темная, но не столько сама по себѣ, сколько отъ постоянной грязи и копоти. Волосы прямые и короткіе, по большей части свѣтлые, русые; но встрѣчаются и черные и рыжеватые. Усы и борода обыкновенно растутъ плохо, какъ у другихъ финскихъ народовъ. Глаза маленькіе, мало выразительные, чаще сѣроголубоватаго цвѣта. Носъ широкій и короткій, часто вздернутый.

Но бываютъ лопари и выше средняго роста, съ правильнымъ овальнымъ лицомъ, прямымъ носомъ, съ длинной окладистой бородой. Между женщинами, особенно молодыми, попадаются довольно миловидныя. Цвѣтъ лица свѣжій у дѣвушекъ, портится у женщинъ отъ непосильной работы.

*) Къ 1 января 1895 г. насчитывалось во всей Русской Лапландіи: лопарей 1940 человекъ, русскихъ—5720, финляндцевъ—810 и норвежцевъ—220 человекъ.

Въ одеждѣ лопари отчасти сохранили свой старинный національный покрій, особенно въ зимней, отчасти же перенимають ее у русскихъ.

Лѣтомъ лопари носятъ ситцевую рубаху разныхъ цвѣтовъ и суконные штаны. Поверхъ этого надѣвають еще суконную одежду до колѣнъ, съ рукавами. Одежда эта называется *кяхтанъ* и какъ по покрою, такъ и по названію имѣетъ сходство съ русскимъ кафтаномъ. На голову надѣвають мягкій колпакъ, вязаный изъ шерсти. На ногахъ лѣтомъ носятъ *нюреньки*, т.-е. туфли изъ оленьей или другой кожи, безъ каблуковъ и съ заостренными, загнутыми вверхъ носками. Часто ноги обернуты суконной тряпкой, перевязанной бечевкой, или обуты въ шерстяные чулки.

Зимой, сверхъ лѣтней рубахи, лопарь надѣваетъ еще коротенькую вязаную шерстяную рубашку, которая доходитъ только до пояса (*бузурунка*), а вмѣсто шубы надѣваетъ такъ называемый *печокъ*. Это длинная одежда, спускающаяся гораздо ниже колѣнъ, съ прорѣзомъ лишь для головы и рукъ и съ довольно широкими рукавами. Печокъ дѣлается изъ оленьяго мѣха, шерстью наружу. Зимніе штаны—также изъ оленьяго мѣха, шерстью вверхъ. Вмѣсто лѣтнихъ нюреньковъ надѣваются зимою *яры*—длинные, до колѣнъ, сапоги изъ оленьей шкуры. Яры бывають очень красивы. Они спиваются изъ ряда узенькихъ продольныхъ полосокъ отъ шкурокъ молодыхъ оленей, то темныхъ, то бѣлыхъ, а на швахъ прошиваются кусочками сукна чернаго, краснаго и желтаго цвѣта. Иногда вмѣсто яровъ надѣвають *каньи*; это тѣ же нюреньки, только сдѣланные изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ, и часто украшенные, какъ и яры, разноцвѣтными полосками. Шапка зимой мѣховая. И лѣтомъ и зимой лопари носятъ рукавицы:

лѣтомъ — вязаныя изъ шерсти, зимой — сшитыя изъ оленьей шкуры.

Таковъ чисто лопарскій костюмъ. Но многіе изъ лопарей теперь оставляютъ свою національную одежду и носятъ что придется: русскіе кафтаны, куртки и даже сюртуки. Въ особенности богатые лопари любятъ наряжаться въ сюртуки и дѣлать въ нихъ визиты какому-нибудь важному лицу, пріѣхавшему къ нимъ въ погость. Точно такъ же вмѣсто своей національной шапки-колпака нѣкоторые стали носить русскіе картузы съ козырьками, а вмѣсто нюреньковъ — русскіе сапоги.

Женщины лѣтомъ носятъ платье, покроемъ своимъ напоминающее русскій сарафанъ (*кохтэ*). Дѣвушки и женщины носятъ различные головные уборы. У женщинъ онъ дѣлается изъ краснаго кумача или сукна и называется *шемширъ*. Его надѣваютъ такъ, чтобы не было видно волосъ, и украшаютъ лоскутками разноцвѣтныхъ матерій, бисеромъ, а у богатыхъ иногда и жемчугомъ. Дѣвушки носятъ низенькія „перевязки“, вышитыя бисеромъ и надѣваемые такъ, чтобы волосы надо лбомъ были видны.

Сверхъ головного убора и дѣвушки и замужнія покрываются еще платками, которые, складываются косыной и повязываются подъ подбородкомъ. Это дѣлается отчасти для украшенія, отчасти же для защиты отъ вѣтра и комаровъ. Зимой костюмъ измѣняется. Надѣвается *юпа*, которая шьется наподобіе печка изъ бѣлаго, довольно грубаго сукна и спускается до пятъ. При сильномъ холодѣ сверхъ этого надѣваютъ еще овчинную шубу (*торкэ*). На руки надѣваются вязаныя рукавицы. Обувь такая же, какъ у мужчинъ: лѣтомъ *нюреньки*, зимою *яры* или *кангы*.

Праздничная одежда обыкновенно бываетъ украшена разноцвѣтнымъ сукномъ и бисеромъ. Вышивать бисеромъ

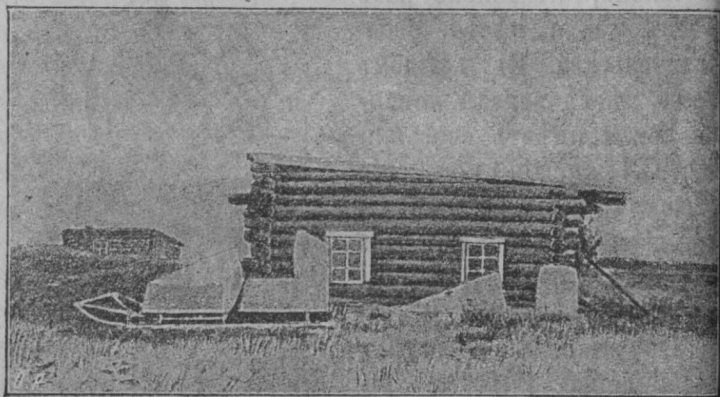
лопарки умѣютъ очень искусно. Въ торжественныхъ случаяхъ, напр., когда лопарь собирается ѣхать въ гости, даже оленья упряжь убирается различными бисерными и суконными украшениями, а черезъ спину оленя перекидывается широкая полосатая суконная лента.

Лопари ведутъ полукочевую жизнь, нѣсколько разъ въ годъ мѣняя мѣсто своего жительства. Въ каждомъ такомъ мѣстѣ всякая лопарская семья имѣетъ свое жилище. Лопарскія поселенія называются *погостами* и обыкновенно располагаются по берегамъ рѣкъ и озеръ. Они бываютъ зимніе и лѣтніе. Въ зимнемъ погостѣ у каждой семьи имѣется теплая хижина, называемая *пыртомъ* или *тупой*. Пыртъ представляетъ четырехугольный бревенчатый срубъ, съ плоской крышей, засыпанной землей. Черезъ дверь входятъ въ маленькія сѣни, изъ которыхъ ведутъ двѣ двери: направо — въ нежилое помещеніе, гдѣ обыкновенно держатъ овецъ, а налево — въ жилую комнату. Эта грязная и полутемная комнатка, съ однимъ маленькимъ окошечкомъ, имѣетъ не болѣе, квадрат-

Лопарка.

ной сажени. Въ одномъ углу ея помѣщается камелен (нѣчто въ родѣ камина), сложенный изъ неотесанных камней. По стѣнамъ идутъ лавки, столъ и полки, въ которыхъ разставлена разная посуда. У зажиточныхъ лопарей встрѣчаются кое-какія драгоценности: на стѣнѣ висятъ лубочныя картины, зеркальце, а на полкахъ красуется деревянная крашеная посуда. Въ нѣкоторыхъ палаткахъ, правда, очень рѣдко, встрѣчаются деревянныя

Лопарская тупа (пыртъ).

избы съ русскими печами, принадлежащія богатымъ лопарямъ. Въ ихъ жилищѣ найдется и мебель и кровати много всякой посуды — фаянсовой, деревянной, мѣдной, даже попадаются книги на лопарскомъ языкѣ, которые печатаются въ Норвегіи¹⁾. Но это, конечно, очень рѣдкое явленіе, такъ какъ большинство лопарей неграмотны.

Весной, въ концѣ апрѣля, лопари покидаютъ зимнія погосты и переселяются къ тѣмъ озерамъ и рѣкамъ и

¹⁾ Елистревъ „По бѣлу свѣту“.

къ морю, гдѣ кто имѣетъ свою рыбную „тоню“. Лѣтнее жилище лопаря называется *въжей*. Это — просто шалашь, сдѣланный изъ жердей и покрытый сверху хворостомъ и дерномъ. Основаніе вѣжи бываетъ круглое, четырехугольное или шестиугольное; поэтому вѣжа имѣетъ видъ конуса или пирамиды. Полъ ея устилается березовыми вѣтками.

Лопарская вѣжа.

Посрединѣ устроенъ очагъ, огонь на которомъ горитъ безостановочно, чтобы помѣшать комарамъ и мошкамъ проникать чрезъ единственное отверстіе наверху, куда идетъ дымъ отъ очага. Дверь устроена такъ, чтобы она быстро захлопывалась, опять-таки съ цѣлью поменьше впускать внутрь комаровъ и мошекъ.

Въ теченіе весны, лѣта и осени лопари нѣсколько разъ переѣзжаютъ съ одного промысловаго мѣста на другое, въ каждомъ находя уже готовую вѣжу. Но мѣста эти отстоятъ иногда далеко и отъ зимняго погоста, и другъ отъ друга, такъ что требуютъ нѣсколько дней пути. Поэтому лопари уже давно создали себѣ третій родъ жилища, которое употребляетъ только при перекочевкахъ. Это походное жилище называется *кувакса* и устраивается такъ. Ставятъ въ кругъ жерди и обтягиваютъ ихъ наполовину или на двѣ трети высоты парусиной. Посрединѣ раскладываютъ огонь; а котелокъ для пици привѣшиваютъ къ тому мѣсту, гдѣ связаны жерди. Постояннымъ жилищемъ кувакса у русскихъ лопарей никогда не служитъ.

Пица лопарей состоитъ главнымъ образомъ изъ рыбы и оленьяго мяса. Оленей бьютъ зимой и ѣдятъ ихъ мясо свѣжимъ, соленнымъ или вяленнымъ. Лѣтомъ, во время рыбной ловли, питаются преимущественно свѣжей рыбой. На зиму ее солятъ и сушатъ. Хлѣба ѣдятъ мало, покупая его у русскихъ поморовъ. Сами же лопари умѣютъ готовить только *рѣзку*, особый родъ ржаныхъ лепешекъ. Замѣсивъ густо ржаную муку въ небольшомъ количествѣ воды, получившееся тѣсто раздавливаютъ въ круглую лепешку и, прислонивъ ее къ каменной плиткѣ, поджариваютъ на огнѣ то съ одной, то съ другой стороны, пока не образуется корка; затѣмъ лепешку обмакиваютъ въ уху или въ горячую воду — и рѣзка готова.

Бѣдные лопари не ѣдятъ ни хлѣба, ни рѣзки. Они скоблятъ кору отъ сосны, сушатъ ее, мелко рубятъ, смѣшиваютъ наполовину съ ржаной мукой и ѣдятъ вмѣстѣ съ ухой или мяснымъ супомъ. Такое кушанье называется „сосновая каша“.

Кромѣ рыбы и оленьяго мяса, ѣдятъ также разную

Кочевье топчарей лѣтомъ (кувакса).

дичь, которой много въ Лапландіи. Большинство лопарей соблюдаютъ посты; но терскіе лопари и постомъ ѣдятъ куропатокъ на томъ, будто бы, основаніи, что это — „летучая рыба“.

Всѣ лопари любятъ чай, но пьютъ его мало вслѣдствіе дороговизны. Богатые пьютъ также иногда вмѣсто чая траву, называемую „сассапарелью“, которая продается въ Колѣ по 4 рубля за фунтъ. Водки пьютъ очень много какъ мужчины, такъ и женщины, но пьютъ ее не постоянно, а при торжественныхъ случаяхъ. Въ противоположность самоѣдамъ, лопари пьютъ оленье молоко, кровь же оленя употребляется у нихъ лишь какъ лѣкарство.

III. Занятія и промыслы лопарей.

Лопарей нельзя вполне назвать ни кочевымъ, ни осѣдлымъ народомъ. Они переживаютъ переходную стадію своей жизни постепенно переходя отъ кочевого къ полукочевому, полуосѣдлому быту. Вполнѣ осѣдлыми имъ мѣшаетъ сдѣлаться уже то, что самыя занятія, которыми они живутъ, заставляютъ ихъ нѣсколько разъ въ годъ переѣзжать съ одного мѣста на другое.

Главные занятія ихъ — рыболовство и оленеводство. Изъ нихъ первое мѣсто по своему значенію въ жизни лопаря занимаетъ рыболовство, какъ болѣе его обезпечивающее и болѣе доставляющее дохода. Рыбу лопарь продаетъ русскимъ купцамъ и вымѣниваетъ ее на разныя необходимыя вещи. Рыба же даетъ ему возможность и уплачивать подати. Но самъ лопарь больше любитъ оленеводство, чѣмъ рыбную ловлю. Стадо оленей, велико ли оно или мало, — самая главная его драгоценность.

Въ нѣкоторыхъ старыхъ книгахъ можно прочесть, что будто бы лопари владѣютъ огромными стадами оленей, число которыхъ у богачей доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ. До русскихъ лопарей это нисколько не относится. Русскій лопарь имѣетъ стадо въ нѣсколько десятковъ оленей, а бѣднякъ иногда всего нѣсколько головъ. Только очень богатые и притомъ немногіе лопари имѣютъ по нѣскольку сотенъ животныхъ. Насколько баснословны рассказы о стадахъ по 10.000 оленей, видно изъ того, что всѣмъ русскимъ лопарямъ вмѣстѣ принадлежитъ около 25.000 оленей ¹⁾.

Въ послѣднее время оленеводство, какъ самостоятельное занятіе, вообще падаетъ у русскихъ лопарей. Гораздо болѣе удержались оленеводы - кочевники въ Норвегіи, несмотря на то, что тамъ очень многіе лопари перешли къ полной осѣдности. Встрѣчаются и въ Русской Лапландіи оленеводы (такъ называемые *фильманы*), которые кочуютъ со своими стадами и ими только живутъ; но таковыхъ очень мало.

Обыкновенно олени служатъ лопарямъ только зимой — для ѣзды и для пищи. Лѣтомъ ихъ отпускаютъ на волю, въ лѣсъ или горы, гдѣ много „оленьяго моха“. Чтобы отличить своихъ животныхъ отъ чужихъ, каждый хозяинъ клеймитъ ихъ, порѣзавъ имъ ухо или повѣсивъ на шею деревянную дощечку съ клеймомъ. Поздней осенью, когда лопари возвращаются въ зимніе погосты, они съ колокольчикомъ въ рукахъ и вмѣстѣ съ собаками отправляются

1) Къ 1 января 1895 года по словамъ А. П. Энгельгардта, во всей Русской Лапландіи насчитывалось около 40.000 оленей. Изъ нихъ 10.000 принадлежали переселившимся сюда четверемъ зырянскимъ семействамъ, около 5.000 — русскимъ и колонистамъ-финляндцамъ, остальные 25.000 — лопарямъ.

разыскивать оленей. Когда собака доведет его до мѣста, откуда олени уже недалеко, лопарь начинает звонить. Олени бѣгутъ на звукъ колокольчика, а отстающихъ подгоняетъ собака. При этомъ часто многихъ не досчитываются: кого зарѣзалъ волкъ, кого застрѣлилъ свой же братъ лопарь.

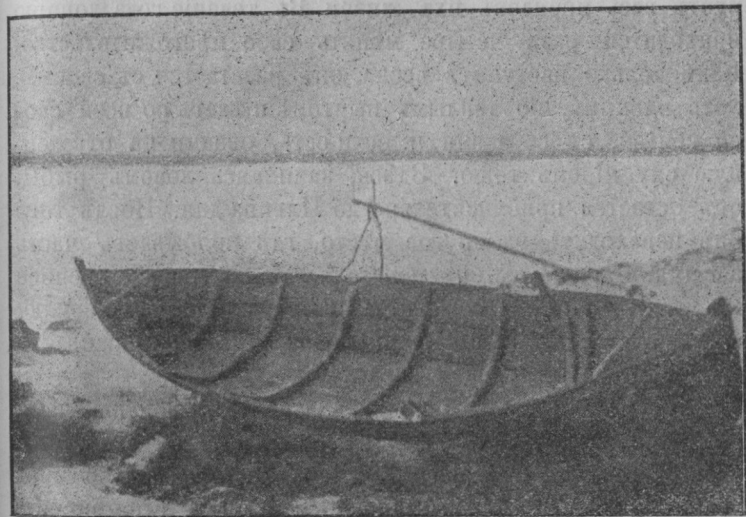
Чтобы увеличить свое стадо, лопари иногда ловятъ дикихъ оленей при помощи аркана, подманивая на ручныхъ. Пойманныхъ оленей укрощаютъ тѣмъ, что привязываютъ къ дереву и не даютъ имъ ѣсть. Черезъ 2—3 дня животное уже настолько укрощено, что ластится къ хозяину, узнаетъ его, и тогда его можно уже пустить въ стадо.

Затѣмъ къ ѣздѣ оленей приучаютъ такимъ образомъ. Вначалѣ ихъ обыкновенно привязываютъ длинной веревкой къ тонкому стволу березы. Стараясь высвободиться, олени сильно бьются и мечутся, и когда, наконецъ устанутъ, тогда вмѣсто дерева къ веревкѣ привязываютъ санки. Веревку эту постепенно укорачиваютъ, пока не удастся, наконецъ, запрячь оленя, какъ слѣдуетъ.

Лопарь любитъ своихъ оленей. Придя въ свое стадо, онъ любитъся каждымъ животнымъ, каждому скажетъ что-нибудь ласковое, каждому даетъ какое-либо прозвище. „Никогда я не видалъ, — говоритъ въ своемъ путешествіи по Лапландіи Д. Н. Бухаровъ, — чтобы лопарь ударилъ своего оленя“. „У нихъ вѣдь тоже душа есть!“ — говорили мнѣ пазрѣцкіе лопари о своихъ домашнихъ животныхъ, и въ этомъ отношеніи всѣ ихъ соплеменники стоятъ несравненно выше многихъ, считающихся куда цивилизованнѣе ихъ, народностей“.

Кромѣ оленей, лопари держатъ еще овецъ норвежской породы, привычной къ суровому климату. Онѣ до-

ставляют шерсть, изъ которой дѣлается сукно для юпы, чулки и колпаки, замѣняющіе лѣтомъ шапки. Коровы и лошади встрѣчаются у нихъ рѣдко, при чемъ лошади почти исключительно въ южной Лапландіи, гдѣ на нихъ совершаютъ небольшіе переѣзды изъ Кандалакши по окрестностямъ.

Лопарскій карбасъ.

Но главное занятіе, которымъ живетъ и кормится лопарь, — рыбная ловля. Рыбныя *тони*, т. - е. мѣста, гдѣ производится ловъ рыбы, расположены или внутри страны, по озерамъ и рѣкамъ, или же на берегу моря. Въ озерахъ всего болѣе ловятъ сига и семгу, а въ морѣ треску.

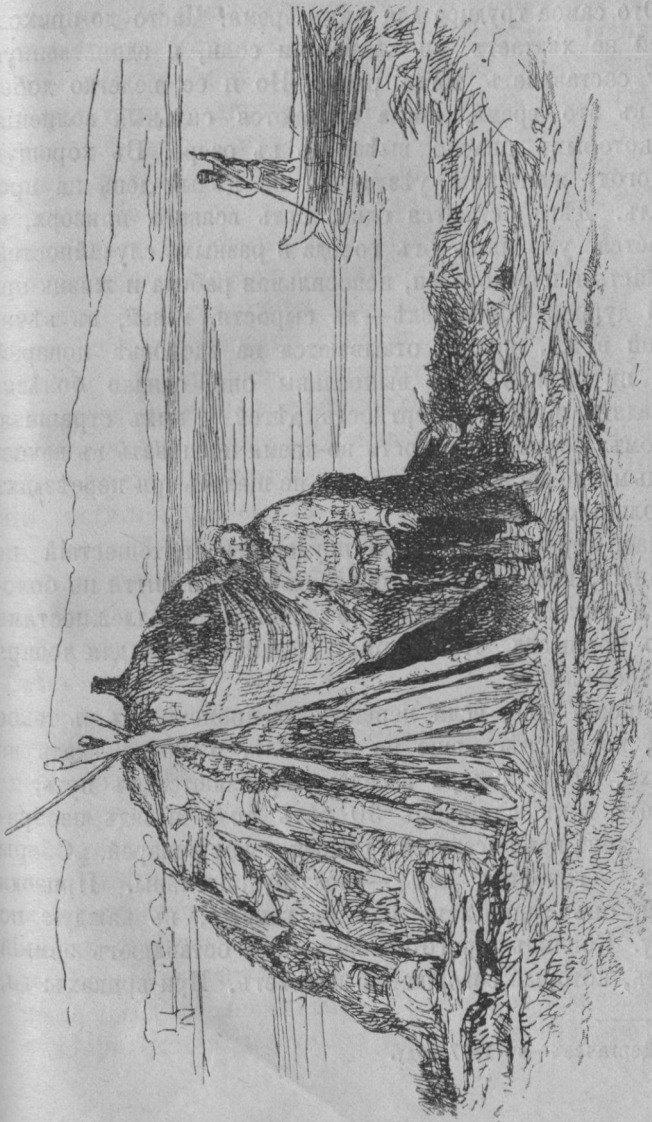
Рыбной ловлей занимаютъ и мужчины, и женщины. Часто въ то время, какъ мужчины заняты ловлей трески

въ морѣ, какъ болѣе тяжелымъ промысломъ, женщины производятъ ловъ на озерахъ. Рыбы вылавливается масса, потому что она всюду водится въ изобиліи, и ловля ея не требуетъ большихъ трудовъ и особеннаго искусства. Ловятъ ее разными способами: неводами, заборами, сѣтками, ярусами и острогами.

Рыболовство, какъ главное занятіе лопарей, регулируетъ весь порядокъ ихъ жизни. Въ теченіе года лопарю приходится раза четыре мѣнять свое мѣстожительство. Какъ только наступитъ весна, онъ разстается съ своимъ, хоть плохимъ, но теплымъ пыртомъ и ѣдетъ со всей своей семьей, съ собаками и, если есть, овцами на отведенную ему міромъ тону. Здѣсь, занимаясь ловомъ рыбы, онъ остается приблизительно до Ильина дня. Послѣ того онъ переходитъ на другое мѣсто, гдѣ пробываетъ часть августа. Въ августѣ онъ переселяется на новое, осеннее мѣсто. И только зимою, когда снѣгъ уже покроетъ землю, возвращается онъ въ свой зимній погостъ, гдѣ проживаетъ спокойно до слѣдующей весны.

Лѣтомъ, въ рабочее время, жизнь лопаря полна тяжелыхъ лишеній. Цѣлые дни онъ проводитъ на водѣ, несмотря ни на какую погоду. Жара ли, холодъ ли или туманъ — онъ все равно тянетъ свою сѣть, стоя по колѣна, а то и по поясъ въ водѣ. Подъѣдетъ онъ къ берегу — тучи комаровъ облѣпять его. Укроется въ своей вѣжѣ — но тутъ дымъ, копотъ, спертый воздухъ, и въ этой духотѣ и тѣснотѣ должны жаться вмѣстѣ 5—6 человѣкъ, чтобы скоротавъ бѣлую сѣверную ночь, съ утра опять приниматься за ту же работу.

Поздней осенью, когда мужчины уйдутъ къ морю на тресковый промыселъ или отправятся въ поиски за оленями, тяжело приходится остающимся женщинамъ и дѣтямъ.

Долнарская вьжа на берегу озера.

Это самое трудное для нихъ время. Часто до прихода мужей не хватаетъ ни хлѣба, ни соли, и единственную пищу составляетъ тогда рыба. Но и ее нелегко добывать въ это время, когда случаются сильныя волненія, при которыхъ опасно выѣзжать въ озеро. Въ хорошую же погоду женщины уѣзжаютъ на цѣлый день на промысль. Дѣти остаются одни, безъ всякаго призора, и, случается, умираютъ отъ голода и разныхъ случайностей.

Частыя перекочевки, непосильная работа и жизнь при самой дурной обстановкѣ—въ сырости, грязи, въ вѣчно дымной вѣжѣ, вредно отзываются на здоровьѣ лопарей. Какъ ни крѣпки и не выносливы они, однако болѣзни не щадятъ и ихъ. Смертность дѣтей у нихъ страшная. Притомъ же необходимость во-время поспѣвать въ какое-нибудь мѣсто заставляетъ лопаря не щадить при переѣздахъ ни больныхъ, ни дѣтей.

Надо представить себѣ неудобства путешествій по Лапландіи, необходимость обходить пороги, итти по болотамъ и лѣсамъ и притомъ со всѣми принадлежностями своего промысла, чтобы понять, какъ тяжелы для лопаря его перекочевки.

Хорошо еще, если перекочевка происходитъ въ такое время, когда снѣгъ еще не растаялъ, и можно ѣхать на оленяхъ. Тогда лопари весело отправляются въ путь.

Вотъ какъ слишкомъ 30 лѣтъ тому назадъ изображаетъ одинъ изъ писателей ¹⁾ перекочевку лопарей. „Сборы лопаря, — говоритъ онъ, — незатруднительны. Приведа оленей, онъ запрягаетъ ихъ въ кережи, въ каждую по одному. Кончивъ приготовленія, они оставляютъ зимній погостъ, который совершенно пустѣетъ. При крикахъ: ги,

¹⁾ Дергачевъ—въ 1877 году.

го, ге, понуждающих оленей, лопари выѣзжаютъ изъ погостовъ длинной вереницей. Каждое семейство, составляя особый поѣздъ, ѣдетъ къ заранѣ условленному мѣсту, не разбирая пути, и дорога для лопаря идетъ тамъ, гдѣ онъ ѣдетъ. Заблудиться ему нѣтъ опасности, потому что пустыни ему такъ же знакомы, какъ улицы города. Олени спокойно мчатся по глубокому снѣгу, лопарь же, свѣсивъ правую ногу на лѣвый край кережи, заботится только о сохраненіи равновѣсія шаткаго своего экипажа. Длинной вереницей тянется обозъ маленькихъ санокъ; за ними олени съ навьюченными спинами. На этихъ санкахъ и вьюкахъ все движимое имущество лопарей, между которыми торчатъ тамъ и сямъ дѣтскія головки. По бокамъ идутъ кучками лопари и лопарки, весело разговаривая; дѣти рѣзвятся и шныряютъ между взрослыми. Шествіе это растягивается версты на двѣ“.

Спустя 13 лѣтъ послѣ Дергачева Н. Харузинъ рисуетъ совсѣмъ иную картину лопарской перекочевки. „Далеко не всегда, — говоритъ онъ, — перекочевка представляетъ такую веселую, привлекательную картину, даже если снѣгъ не стаялъ еще. Когда въ оттепель приходится лопарю по колѣно итти въ снѣгу то на гору, то подъ гору, попадая въ огромныя лужи, когда ему приходится переходить черезъ шаткій ледъ рѣкъ и озеръ, рискуя погибнуть самому и погубить семью и имущество, — веселаго мало въ такомъ переходѣ. Когда лѣтомъ въ жару, подъ палящимъ солнцемъ, ему приходится бороться съ остервенѣлыми рѣчными порогами, поднимать свою лодку вверхъ по теченію, переволакивать свою лодку отъ порога до порога или итти, наконецъ, въ лѣсу или по низинѣ, подъ преслѣдованіями тысячей комаровъ и мошекъ, когда ему приходится переходить по камнямъ или подыматься

на высокую гору обремененному поклажей, — то и лопарь устает и прекращает свой веселый разговор и молча идет, понурив голову, — и онъ устает. При такихъ условіяхъ тяжело больнымъ, и многіе изъ нихъ умираютъ. Многія дѣти не выносятъ труднаго перехода и не доходятъ живыми до мѣста производства промысловъ. И жалѣетъ лопарь больного и горюетъ о смерти ребенка, но сдѣлать ничего не можетъ, такъ какъ тяжелая нужда, горькая неволя гонитъ его съ мѣста на мѣсто. И знаетъ онъ, что если пропуститъ нѣсколько дней, уступивъ чувству жалости къ ребенку или больному, онъ самъ останется безъ хлѣба на всю зиму и попадетъ еще въ большую кабалу къ своимъ хозяевамъ, изъ которой ему, пожалуй, при жизни и не выбраться¹⁾.

Но печальнѣе всего то, что добытое съ такимъ трудомъ и лишеніями мало приноситъ пользы самому лопарю. И рыба и шкуры пушныхъ звѣрей — все это за безцѣнокъ уходитъ отъ него къ кулаку-кушцу, который богатѣетъ за его счетъ.

Большинство лопарей находится въ постоянномъ долгу у жителей Колы, беря у нихъ различные товары въ счетъ будущаго улова рыбы. По окончаніи рыбныхъ промысловъ лопарь пріѣзжаетъ опять въ Колу, чтобы уплатить свой долгъ. И вотъ какъ производится этотъ расчетъ.

Рано утромъ, часовъ въ 6—7, лопарь, уже сильно выпившій, является къ своему „хозяину“. Прежде чѣмъ начать расчетъ, хозяинъ еще угощаетъ водкой простодушнаго лопаря, чтобы сдѣлать его поуступчивѣе. Когда лопарь достаточно подвыпилъ, начинаютъ считать рыбу. Хозяинъ отмѣчаетъ у себя въ книгѣ, сколько пудовъ

1) Н. Харузинъ. „Русскіе лопари“.

принято, лопарь у себя на биркѣ. Пуда 2—3, а то и больше, хозяинъ skinеть или подь разными предлогами заставить лопаря считать пудъ за $1\frac{1}{2}$ пуда, а то и за $1\frac{1}{4}$ пуда. Если лопарь станетъ упрямиться, хозяинъ опять угощаетъ его водкой, пока не уступить. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ и угощеній расчетъ оконченъ. Если даже уловъ былъ хорошій, и лопарь заплатилъ весь долгъ, то ему все-таки необходима сейчасъ же и соль, и мука; не прочь онъ иногда забрать также чаю и сахару. Все это онъ и беретъ за оставшуюся рыбу. Пьяный, онъ не замѣчаетъ, что хозяинъ ставитъ за все двойныя и тройныя цѣны. Но хозяинъ и этимъ не доволенъ. Онъ старается подсунуть ему и то, безъ чего лопарь свободно могъ бы обойтись: и самоваръ, и пестрыя чашки, и яркій платокъ. Лопарь, все болѣе и болѣе хмелѣя, беретъ уже не разбирая, сначала за рыбу, а потомъ и въ долгъ. Начавши пить, онъ уже не скоро отрезвится и, благодаря своей безхарактерности, часто подолгу не можетъ вырваться изъ Колы. Въ концѣ-концовъ, онъ уѣзжаетъ, опять сильно задолжавши своему хозяину и опять обязанный работать на него и слѣдующій годъ.

Кольскіе купцы какъ бы подѣлили между собой лопарскіе погосты, такъ что одни погосты работаютъ на одного „хозяина“, другіе — на другого. Лопарь рѣдко получаетъ за свой товаръ деньгами. Хозяинъ старается даже подати самъ платить за него, чтобы онъ какъ-нибудь не ушелъ изъ-подъ его рукъ. Печальную извѣстность изъ такихъ „хозяевъ“ приобрѣлъ нѣкто Мартемьянъ Базарный, про котораго лопари сложили даже поговорку: „Спаси, Господи, оленя отъ волка, а насъ грѣшныхъ отъ Мартемьяна Базарнаго“.

Такой способъ торговли не только ведетъ къ обѣднѣ-

Лопарь съ кережей.

я ихъ и къ пьянству и къ обману. Лопарь
, что его обманываютъ, и идетъ къ „хо-

зяину“ только потому, что нѣтъ другого средства сбыть рыбу. Прежде лопари были честны въ торговыхъ дѣлахъ, теперь же стараются и сами обманывать хозяевъ, подсывая имъ испорченную рыбу или дыривый мѣхъ.

Торговля въ Лапландіи производится также на ярмаркахъ. Въ опредѣленное время съѣзжаются въ какое-нибудь мѣсто кольскіе купцы и лопари изъ разныхъ погостовъ, и въ теченіе нѣсколькихъ дней тутъ кипитъ торговая дѣятельность. Конечно, коляне привозятъ съ собой водку, а также ситцы, чай, сахаръ и другіе товары, которые идутъ въ обмѣнъ на шерсть, шкуры оленей, дичь, рыбу и жемчугъ. На деньги торгуютъ мало. Всего больше берутъ водки. Конечно, и здѣсь не обходится безъ злоупотребленій, но они не такъ велики въ сравненіи съ тѣми, которыя бывають при расчетѣ въ Колѣ.

Кромѣ оленеводства, рыбной ловли и охоты, у лопарей есть еще нѣкоторыя побочныя занятія. Многіе изъ нихъ занимаются извозомъ — зимой на оленяхъ, лѣтомъ на лодкахъ. Весной они перевозятъ на оленяхъ поморовъ, отправляющихся на мурманскіе промыслы. Хотя плата за провозъ берется ничтожная, но такъ какъ промышленниковъ бываетъ очень много, то въ общемъ лопари выручаютъ за это довольно порядочный доходъ. Осенью, когда промышленники уходятъ обратно изъ своихъ временныхъ становищъ, они оставляють на сохраненіе лопарямъ изъ ближайшихъ погостовъ все свое имущество, часто довольно цѣнное: рыболовныя снасти, шняки ¹⁾, хлѣбъ, соль и т. п. Лопари добросовѣстно остаются въ становищахъ, охраняя ихъ до тѣхъ поръ, пока не замерзнетъ море у береговъ

1) Шняка—небольшое поморское судно, служащее для ловли трески.

становища и не загородить къ нему входъ. Тогда они уѣзжаютъ въ свои погосты и только время отъ времени наѣзжаютъ сюда по очереди для наблюденія за ввѣреннымъ имъ имуществомъ.

Другіе лопари занимаются рубкой лѣса и дровъ, которыя они доставляютъ въ Колу. Нѣкоторые строятъ суда, занимаются выдѣлкой кожъ и выработываютъ различныя вещи изъ бересты, напр., чашки, корзины, которыя продаются частью лопарямъ же, частью въ Колу.

Таковы важнѣйшія занятія лопарей, которыми они добываютъ себѣ пропитаніе. Положеніе ихъ далеко не завидное. То, что добывается цѣною страшныхъ усилій и трудовъ, уходитъ по большей части въ руки кольскихъ кулаковъ и пропивается. Предметы ихъ промысловъ, и рыба, и шкурки пушныхъ звѣрей—все это съ каждымъ годомъ дорожаетъ, а между тѣмъ приносить имъ все меньше дохода. Не только охота, но и рыболовство—важнѣйшій источникъ ихъ жизни—постепенно падаетъ. вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднѣютъ они и оленями. Въ торговлѣ они стѣснены кольскими купцами; болѣзненная страсть къ водкѣ губитъ ихъ физически и нравственно. Лопари бьются изо всѣхъ силъ, чтобы выйти изъ своего тяжелаго положенія, но по большей части бесплодно. Большинство изъ нихъ остается все въ той же бѣдности и въ той же кабалѣ, въ которую они впали уже давно и отъ которой не могутъ освободиться своими собственными усиліями безъ помощи извнѣ.

IV. Семейный и общественный бытъ лопарей.

Когда-то въ прежнее время лопари жили родовою жизнью. Теперь среди нихъ рѣдко даже встрѣчаются большія семьи. Раздѣлы у нихъ въ большомъ ходу. Сыновья послѣ женитьбы обыкновенно отдѣляются отъ отца и заводятъ собственное хозяйство. Только въ томъ случаѣ, когда у родителей одинъ сынъ, онъ остается при нихъ до самой ихъ смерти. Но хотя роды теперь разбились, лопари не забыли о своемъ происхожденіи изъ какого-либо рода. Прежде каждый родъ имѣлъ свое родовое прозвище. Теперь ихъ замѣнили русскія фамиліи: однако, за рѣдкими исключеніями, всѣ семьи, происшедшія отъ одного рода, носятъ одну и ту же фамилію. Прежнія лопарскія имена замѣнились также русскими, но сильно искаженными: напр., *Еванъ* (Иванъ), *Васькъ* (Василій), *Меккашъ* (Михаиль), *Олесъ* (Александръ), *Сандра* (Александра), *Кадранъ* (Екатерина), *Маттеишъ* (Матрена) и т. п.

Другъ друга лопари называютъ или просто по имени, или же, обращаясь къ почтеннымъ людямъ, называютъ ихъ и по отчеству. Если же кого-нибудь хотятъ особенно почтить, то прибавляютъ не только имя отца, но и дѣда, напр., говорятъ: Карпъ-Еванъ-Васькъ. Здѣсь собственное имя — Василій, Иванъ — отчество, а Карпъ — имя дѣда.

Женщинъ лопари вообще называютъ „половинками“ и, говоря о нихъ за глаза, называютъ не собственнымъ ихъ именемъ, а по имени мужа или отца. О женщинѣ молодой, напр., женѣ Василія, говорятъ *Васькъ-кава*, т-е. жена Василія, *Еванъ-кава* — жена Ивана. Если же гово-

рять про старуху, то скажутъ: *Васькз-аки*, *Еванз-аки*, т.-е. старуха Василя, Ивана. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда обращаются лично къ женщинѣ, ее называютъ по имени и отчеству или, въ родѣ того, какъ у насъ, просто по отчеству: Егоровна, Ивановна и т. п.

Родственные связи у лопарей очень почитаются. Вообще лопари народъ добродушный и гостепріимный; они любятъ принимать у себя гостей; но родственники, въ особенности близкіе, для нихъ самые желанные гости. Хозяинъ ничего для нихъ не жалѣеть. Онъ сварить и мясо и хорошую рыбу; поставитъ на столъ и *пойду* (оленье сало) и самое лакомое для лопаря блюдо—оленьи языки, а если есть у него водка, онъ не пожалѣетъ угостить и ею дорогого гостя. Онъ сажаетъ его на почетное мѣсто, кладетъ ему кусокъ за кускомъ и уговариваетъ ѣсть больше: „пуръ, пуръ“.—ѣшь, ѣшь. И онъ старается дѣлать все, что можетъ быть пріятно гостю, чтобы доказать ему свою радость.

Лопари отличаются миролюбивымъ характеромъ, и въ лопарской семьѣ обыкновенно царитъ ладъ. Отношенія между родителями и дѣтьми обыкновенно хорошія и дружелюбныя. Взрослыя дѣти пользуются большою свободой. Такъ, напр., если сынъ или дочь сработаютъ что-нибудь, это считается ихъ собственностью, и отецъ безъ ихъ согласія не продастъ ихъ работы и не возьметъ себѣ денегъ. Если сынъ сдѣлаетъ самъ кережку, отецъ не считаетъ себя въ правѣ продать ее. Онъ говоритъ покупателю: „не я работаль ее, а сынъ; у него спрашивай“. Кромѣ заработаннаго собственнымъ трудомъ, у каждаго члена семьи есть еще свои олени и овцы. При рожденіи ребенка принято, чтобы родные дарили ему оленей и овецъ. Весь приплодъ отъ этихъ животныхъ поступаетъ въ его

собственность. Если сынъ хочетъ отдѣлиться отъ отца или дочь выходить замужъ, они берутъ съ собой и свое стадо. Съ маленькими дѣтьми лопари обращаются ласково и рѣдко бьютъ ихъ, и то обыкновенно въ нетрезвомъ видѣ.

Жена пользуется въ семьѣ уваженіемъ. Хотя лопарь и говоритъ про жену: „жена моя — хочу люблю, хочу бью“, но на самомъ дѣлѣ обыкновенно любить ее и живетъ съ нею согласно. Когда мужъ и жена еще молоды, мужъ часто возитъ ее съ собою въ Колу или въ другое ближайшее мѣсто, чтобы купить ей наряды. И потомъ уже въ пожиломъ возрастѣ лопарю всегда доставляетъ удовольствіе привести своей женѣ какой-нибудь подарокъ. Жена — постоянная совѣтница и помощница его. Они работаютъ все сообща, помогая другъ другу. Обыкновенно жена встаетъ раньше мужа, разводитъ огонь въ камелькѣ и, если семья пьетъ чай, готовитъ его. Потомъ она будитъ всѣхъ, ставитъ на столъ чайникъ и хлѣбъ и приглашаетъ сѣсть за ѣду. Она, конечно, варитъ обѣдъ и ужинъ. Она шьетъ одежды и обувь на всю семью, прядетъ шерсть и вяжетъ изъ нея рукавицы и чулки и ткеть одѣяла.

Она также рубитъ дрова, если лѣсъ находится поблизости отъ дома; плететъ сѣтки для рыбной ловли и чинитъ ихъ. Она же ловитъ рыбу въ озерахъ и рѣкахъ. Между тѣмъ мужъ занимается уходомъ за оленями, служитъ ямщикомъ; рубитъ въ лѣсу — подальше отъ дома дрова и возитъ ихъ продавать на оленяхъ или сплавляетъ по рѣкѣ. Онъ ловитъ крупную рыбу въ озерахъ и въ морскихъ заливахъ. Онъ же осенью собираетъ оленей. Вообще мужъ беретъ на себя работы, которыя требуютъ дальнихъ отлучекъ отъ дома; напротивъ, жена старается оставаться

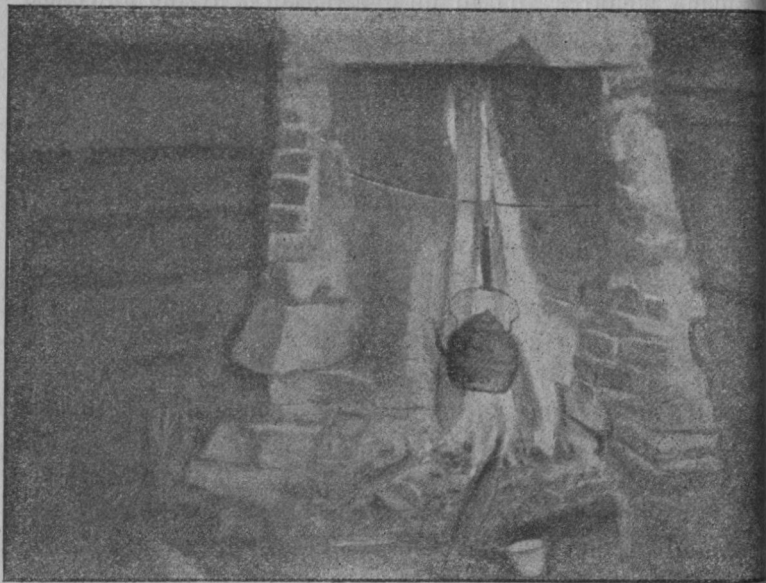
Лопарзи.

дома, работая, что можно, поблизости и присматривая за семьей. Но нерѣдко можно видѣть лопарокъ, которыя отправляются на морской промыселъ или служатъ ямщиками.

Русскіе лопари женятся довольно поздно, рѣдко въ 20-лѣтнемъ возрастѣ, чаще же между 25 и 28 годами. Раньше женятся только по нуждѣ, когда нужно въ семью работницу: „некому и хлѣбъ печь, и платье шить“. Въ своей будущей женѣ лопарь ищетъ прежде всего, чтобы она была хорошей хозяйкой и работницей. Другое важное требованіе — чтобы она была богата. Но это второе условіе еще не такъ важно. Богатый лопарь охотно женится на бѣдной дѣвушкѣ, если она хорошая хозяйка. Въ лопарскихъ пѣсняхъ и разсказахъ ясно говорится, какъ строго относится лопарь къ невѣстѣ, которая не умѣетъ хозяйничать. Вотъ для примѣра такой разсказъ.

„Дѣло было зимой. Мать и отецъ уѣхали въ гости, а обѣ дочери остались дома; у нихъ дровъ не было припасено. А слышно, женихи ѣдутъ, колокольчики бряцаютъ: „сылкъ, сылкъ, сылкъ“ — очень яро и круто ѣдутъ. А онѣ не знали, что это къ нимъ женихи ѣдутъ. Приѣхали женихи, остановились у знакомыхъ въ погостѣ; народъ и говоритъ этимъ дѣвкамъ: „что вы, дѣвки, стоите на улицѣ? У васъ и дровъ нѣтъ“. А женихи сняли съ себя печокъ и яры, переодѣлись въ другое платье, пошли въ тупу, а у нихъ холодно, огня нѣту, нѣтъ дровъ. Младшая сестра схватила топоръ и побѣжала въ лѣсъ. А старшая взяла вѣтви, которыми полъ былъ устланъ, и положила въ камелекъ, зажгла и стала чайникъ грѣть. Только у ней чайникъ согрѣлся, какъ младшая принесла сухихъ дровъ изъ лѣсу. А женихи между тѣмъ не пьютъ чай, который имъ подала старшая сестра: не вкусенъ онъ,

согрѣтый на вѣтвяхъ. Младшая вылила этотъ чай, положила дровъ въ камелекъ и стала вновь воду нагрѣвать для чая. Принесла она и большого соленого сига, вымыла, накрошила и подала женихамъ ѣсть. Потомъ когда чай согрѣлся, подала имъ чаю, и они поѣли и по-

Камелекъ въ лопарской избушкѣ.

пили. Тотъ женихъ, что хотѣлъ жениться на старшей, ушелъ; шапку взялъ и ушелъ и больше не приходилъ. А тотъ, кто хотѣлъ жениться на младшей, женился на ней¹⁾.

¶ Намѣтивъ себѣ невѣсту, а иногда одновременно двухъ

¹⁾ Н. Харузинъ. „Русскіе лопари“.

или трехъ, за которыхъ онъ хочетъ свататься, лопарь приходитъ объясняться къ родителямъ. Онъ приноситъ съ собою угощенье—водку и, предложивъ имъ выпить, говоритъ: „Не пора ли мнѣ жениться? Скоро буду ужъ и старикъ“. Родители обыкновенно отвѣчаютъ; „Богъ тебя благословитъ; гдѣ только ты думаешь жениться?“ Тогда сынъ называетъ, кого намѣтилъ себѣ въ невѣсты. Этимъ ихъ разговоръ и кончается.

Послѣ того родители созываютъ чуть ли не всѣхъ родственниковъ на родственный совѣтъ. Когда они соберутся, ихъ угощаютъ виномъ. Во время угощенья родители объявляютъ имъ, что сынъ ихъ хочетъ свататься за такую-то. Родственники рѣдко противорѣчатъ; самый совѣтъ — только обычай. Обыкновенно они даютъ согласіе и только говорятъ: „не намъ жить, а ему; самъ знаетъ“.

Затѣмъ начинается сватовство. Оно происходитъ неодинаково въ разныхъ мѣстностяхъ русской Лапландіи. Въ однихъ мѣстахъ женихъ ѣдетъ одинъ свататься; въ другихъ онъ приглашаетъ себѣ на помощь свата; въ третьихъ, кромѣ свата, съ нимъ ѣдетъ и сваха. Наконецъ, иногда роль свата беретъ на себя отецъ жениха, роль свахи — мать.

Вотъ для примѣра, какъ происходитъ сватовство, въ Ловозерскомъ погостѣ.

Женихъ отправляется одинъ къ дому родителей невѣсты. Онъ стучится въ дверь, говоря: „пустите прохожаго человѣка ночевать“. Отецъ невѣсты уже заранѣе предупрежденъ о сватовствѣ и отвѣчаетъ ему: „у меня нѣтъ квартиры для прохожихъ“. Женихъ обращается съ такой же просьбой къ матери, но и она отвѣчаетъ отказомъ. Тогда женихъ говоритъ: „я не унесу ничего въ домъ“. Отецъ отвѣчаетъ: „не унесешь хотя, а у меня

квартиры для прохожих нѣтъ“. Женихъ продолжаетъ просить: „отвори, не унесу ничего“. Послѣ того открываютъ дверь, и женихъ, войдя въ тупу, кланяется родителямъ невѣсты и говоритъ: „я пришелъ за уточкой не могу ли уточку поймать?“ На это ему отецъ отвѣчаетъ: „мою уточку будетъ тебѣ солоно ѣсть; я сдѣлался старъ, худо вижу — безъ нея не могу оставаться“. Женихъ возражаетъ на это: „я буду уточку мою кормить; сыта будетъ она“. Если родители не хотятъ отдавать свою дочь, они отказываютъ, и женихъ уходитъ; если же согласны, то мать невѣсты, послѣ обѣщанія жениха кормить уточку, говоритъ: „коли будетъ сыта, можно отдать“. Отецъ тоже даетъ свое согласіе, но тотчасъ высказываетъ условія, при какихъ должна жить его дочь: „будешь кормить, будешь ею владѣть; тебѣ нужно ее беречь, никому въ обиду не давать, чтобы никто не обижалъ, ни чужіе, ни свои. Имѣнья мы даемъ своей дочери; возьми — слушайся жены, тогда можешь взять; она будетъ слушаться — ты будешь слушаться: деньги наживете; не будете слушаться, ничего не наживете. А будете слушаться — все хорошо будете жить. Свекру и свекрови не давай въ обиду: обижать будутъ, можешь прочь отъ нихъ отойти“. Женихъ говоритъ на это: „я буду слушаться жены, не дамъ ее въ обиду никому, ни своимъ, ни чужимъ“¹⁾.

Иногда сватовство происходитъ гораздо проще. Женихъ, пріѣхавъ къ родителямъ невѣсты, начинаетъ просто кланяться и говоритъ: „отдайте дочку вашу замужъ за меня“. Родители молчатъ. Женихъ еще нѣсколько разъ повторяетъ свою просьбу. Если они увѣрены, что сама

1) Н. Харузинъ. „Русскіе лопари“.

дочь желаетъ за него выйти, они соглашаются и назначаютъ день для рукобитья. Въ назначенный день прѣзжаютъ родители и родственники жениха; отцы подаютъ другъ другу руки; кто-нибудь разнимаетъ ихъ. Родные жениха угощаютъ родныхъ невесты водкой, и договоръ считается заключеннымъ.

При сватовствѣ непременно спрашиваютъ согласія невесты. Если дѣвучкѣ нравится женихъ, она отвѣчаетъ родителямъ: „какъ хотите, сами знаете“, или даже просто отмалчивается. Если же она не хочетъ выходить, то говоритъ родителямъ: „подите, да не пейте; а пить будете, то пейте не меня, а сухую чурку (дрова) или важенку ¹⁾. Пусть онъ беретъ ихъ женою, а не меня“. Просьба дѣвучки всегда уважается, и если она не согласна на бракъ, то жениху отказываютъ.

Послѣ сватовства и рукобитья женихъ начинаетъ часто ѣздить къ невестѣ и постоянно возить ей какіе-нибудь подарки, главнымъ образомъ сласти.

Свадьба обыкновенно бываетъ зимою, когда лопари живутъ въ зимнихъ погостахъ и когда они свободны отъ спѣшныхъ работъ. Свадьба сначала справляется по стариннымъ обычаямъ, и только потомъ уже черезъ нѣсколько времени, иногда даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, происходитъ вѣнчаніе въ церкви.

Свадебные лопарскіе обряды, такъ же какъ и сватовство, не сходны въ разныхъ погостахъ. Опишемъ, какъ происходитъ свадьба въ томъ же Ловозерскомъ погостѣ. Свадебный обрядъ состоитъ тутъ изъ двухъ частей: *смотрѣнья* и *стола*. Смотрѣнье всегда происходитъ накануне стола. Женихъ вмѣстѣ съ друзьями созываетъ гостей

¹⁾ Важенка—самка сѣвернаго оленя.

въ домъ невѣсты. Зовутъ въ домъ только богатыхъ; бѣдные же всходятъ на крышу тупы, гдѣ пируютъ, и спускаютъ отсюда внутрь, черезъ трубу отъ камелька, свои котлы, куда имъ кладутъ мясо и водку. Когда всѣ приглашенія окончены, женихъ идетъ одинъ въ домъ невѣсты. Мать невѣсты, встрѣчая его, говоритъ ему: „я въ люлькѣ дѣвку качала, у меня колѣни болятъ—надо полѣчить“. Женихъ даетъ ей денегъ, смотря по состоянію. Потомъ отецъ невѣсты говоритъ жениху: „я старъ сталъ—денегъ доставать больше не могу; малолѣтнюю дѣвку кормилъ, а теперь старъ сталъ, глаза болятъ, хлѣба доставать не могу“. Женихъ даетъ и ему денегъ, по крайней мѣрѣ два серебряныхъ рубля, которые прикладываетъ къ его глазамъ. Послѣ этого женихъ садится рядомъ съ невѣстой, не снимая шапки, на почетномъ мѣстѣ; невѣста же сидитъ съ лицомъ, покрытымъ платкомъ. Въ это время входятъ дружки и приносятъ невѣстѣ подарокъ, обыкновенно платокъ. Послѣ того начинается обрядъ хороненія невѣсты. Жениха на время удаляютъ изъ тупы, и невѣсту прячутъ среди толпы; затѣмъ вводятъ жениха, и онъ долженъ искать свою невѣсту-уточку. Обращаясь къ отцу невѣсты, онъ говоритъ: „покажи мнѣ уточку, красива ли она или нѣтъ? Можно ли стрѣлять уточку, можно ли замужъ взять?“ Отецъ отвѣчаетъ: „можно“. Послѣ того женихъ ловитъ невѣсту, показываетъ ее изъ дверей дружкамъ, которые берутъ ее за руки и приводятъ къ жениху. Этимъ и кончается смотрѣнье, иначе называемое „уточкой“ ¹⁾.

На слѣдующій день бываетъ такъ называемый *столъ*. Это пиръ, который устраиваетъ на свой счетъ женихъ

¹⁾ Н. Харузинъ. „Русскіе лопари“.

въ домѣ невѣсты. Женихъ и невѣста исполняютъ на немъ роль хозяевъ; они кланяются передъ каждымъ гостемъ и угощаютъ его, говоря: „кушай на здоровье“. Невѣста бываетъ все еще покрыта платкомъ. Когда всѣхъ обойдутъ съ угощеньемъ, женихъ и невѣста садятся за столъ. Спустя нѣкоторое время начинается прощанье. Мать невѣсты обращается къ молодымъ и поетъ причитанье: „куда ты уходишь, какъ я буду безъ тебя жить, какъ будешь бывать, какъ проживать, какъ наживать деньги? Будешь ли мужа любить? Будешь ли жену любить? Не покинь, не оставь, живите хорошенько, не обижай мою дочку!“ Невѣста говоритъ ей въ отвѣтъ: „прощай, матушка“. Женихъ говоритъ матери: „спасибо, не покину ее, будемъ съ ней вмѣстѣ хлѣбъ ѣсть“. Съ отцомъ прощаются просто: „прощай, айчъ (отецъ)“. Потомъ женихъ съ невѣстой обносятъ всѣхъ гостей водкой. Тѣ пьютъ и кладутъ въ рюмку либо денегъ, либо слѣланныя изъ хлѣба изображенія оленей; сколько кто положитъ, столько долженъ потомъ подарить молодымъ оленей. Послѣ прощанья женихъ уводитъ невѣсту къ себѣ въ домъ. Тутъ ихъ встрѣчаютъ родители жениха и благословляютъ обоихъ иконой и хлѣбомъ; молодые кланяются родителямъ три раза въ ноги. Отецъ говоритъ имъ: „живите на здоровье, живите въ мирѣ, слушайте другъ друга, не грѣшите“. Потомъ слѣдуетъ самый обыкновенный, будничный ужинъ. Родители угощаютъ молодыхъ: „кушай, невѣстушка, кушай; не осуди, больше ѣды хорошей нѣтъ: что Богъ послалъ, то и ѣшь“¹⁾.

Этимъ и заключается свадебный обрядъ. Самое важное въ немъ—это поимка уточки. Въ этомъ обрядѣ, а

¹⁾ Тамъ же.

также въ уплатѣ выкупа за невѣсту сохраняется воспоминаніе о древнемъ обычаѣ похищать невѣсть и платить за нихъ выкупъ.

Когда въ лопарской семьѣ кто-нибудь умретъ, то покойника или выносятъ въ амбаръ, или же, если онъ остается въ тупѣ, всѣ родные выходятъ изъ нея и не живутъ въ ней нѣсколько дней. Тѣло обмываютъ, одѣваютъ и кладутъ въ гробъ. Съ похоронами обыкновенно спѣшать. Гробъ ставятъ на сани и везутъ на оленяхъ, или же въ сани впрягаются сами родственники. Хоронятъ обыкновенно поблизости, гдѣ застала смерть; и только въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ есть церковь, хоронятъ на кладбищѣ. Могилы роютъ неглубокія— $\frac{1}{2}$ аршина, рѣдко аршинъ глубины. Ихъ или просто засыпаютъ землей или же, покрывъ слоемъ земли, заваливаютъ сверху камнями. Послѣ похоронъ устраиваютъ обѣдъ. На обѣдѣ пьютъ водку, но пьянства при этомъ не бываетъ. Выпивая рюмку, лопарь говоритъ: „помяни Господи раба такого-то“

У лопарей до сихъ поръ сохранился обычай класть на могилѣ различныя вещи и орудія, которыми умершій пользовался при жизни. Кладутъ, напримѣръ, топоръ, рыболовныя снасти; изрѣдка оставляютъ на могилѣ сани, опрокидывая ихъ вверхъ полозьями. Ставятъ также на могилахъ кресты.

Отпѣваніе при похоронахъ бываетъ только тогда, когда поблизости находится церковь, или если случайно въ это время будетъ въ погостѣ священникъ. Обыкновенно же только впослѣдствіи, когда пріѣдетъ священникъ, его просятъ отслужить панихиду на могилѣ. Существуетъ также обычай у нѣкоторыхъ лопарей — вскорѣ послѣ похоронъ

отвозить священнику горсть земли съ могилы, чтобы совершить надъ нею отпѣваніе.

Родственницы умершаго носятъ трауръ: черный сарафанъ и черную косынку, дѣвушки до шести недѣль, а замужнія годъ. Въ теченіе шести недѣль дѣвушки не участвуютъ въ играхъ и не ходятъ на вечеринки. Мужчины траура не носятъ.

Старинное родовое устройство лопарей до сихъ поръ сохранилось въ ихъ способѣ владѣнія землей. Вся земля въ Лапландіи подѣлена между погостами. Каждый погостъ имѣетъ свой участокъ земли, на которомъ лопари другихъ погостовъ не могутъ ни ловить рыбу, ни охотиться на дикихъ и пушныхъ животныхъ. Границами между владѣніями разныхъ погостовъ служатъ горы, рѣки, камни и т. п.

Земля, принадлежащая какому-нибудь погосту, подѣлена между его жителями на столько частей, сколько родовъ въ этомъ погостѣ. Не дѣлятся только горы, которыя составляютъ собственность всего погоста.

Родовой участокъ, въ свою очередь, дѣлится между отдѣльными семьями, принадлежащими къ этому роду. При дѣленіи земли между семьями стараются соблюдать возможное равенство: большимъ семьямъ даютъ и большіе участки и лучшія рыбныя тони; напротивъ, небольшимъ семьямъ достаются и меньшіе участки. Семейный участокъ обыкновенно долго переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Но если какая-нибудь семья черзчуръ увеличится, и прежняго участка уже не будетъ хватать на ея прокормленіе, тогда по общему соглашенію ей нарѣзываютъ новый кусокъ земли съ тоней, или же заставляютъ другую семью помѣняться съ ней участками.

Дѣлать не только рыбныя тони, но и лѣса и луга, которые имѣютъ сравнительно неважное значеніе для лопарей. Въ лѣсахъ еще лопарь добываетъ себѣ дрова и бревна для постройки жилищъ. Что касается луговъ, которыхъ въ Лапландіи очень мало, то лопари по большей части сдаютъ ихъ въ аренду жителямъ Кола и Канда-лакши, которые держатъ коровъ. Арендаторъ, снявшій лугъ, обязанъ по условію внести за лопаря причитающіяся съ него подати и мірскіе сборы.

Родовое устройство, отразившееся на раздѣленіи между родами и семьями земельныхъ участковъ, сохранилось, однако, не вездѣ и не всегда. Въ жизни лопарей особенно важное значеніе имѣютъ рыбныя тони. Изъ нихъ же наиболѣе важны морскія тони, гдѣ ловится треска, и тони при устьяхъ рѣкъ, гдѣ производится ловъ семги. Между тѣмъ какъ озерныя и рѣчныя тони находятся въ постоянномъ владѣніи лопарской семьи и подолгу переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, тони морскія и находящіяся при устьяхъ рѣкъ постоянно переходятъ отъ одной семьи къ другой. Время отъ времени лопари какого-нибудь погоста сходятся на сходъ (*суймъ*) и здѣсь точно опредѣляютъ, сколько въ то время имѣется у нихъ душъ мужского пола и сколько у нихъ всего тоней. Затѣмъ высчитываютъ, сколько мужчинъ приходится на одну тоню. Малосемейные лопари соединяются вмѣстѣ на одну тоню. Послѣ того бросаютъ жребій, кому какая тоня достанется. Семья большая, въ которой много мужчинъ, получаетъ часто двѣ тони; между тѣмъ какъ двѣ небольшія семьи получаютъ вмѣстѣ одну тоню. Этимъ лопари стараются достигнуть возможнаго равенства.

Каждая семья или партія пользуется своей тоней только одинъ годъ. На слѣдующую весну лопарь, полу-

чившій первую тоню, переходить на мѣсто того, кто взялъ въ прошломъ году послѣднюю. Такимъ же образомъ мѣняются своими тонями и другіе лопари. Когда всѣ пересидятъ на всѣхъ тоняхъ, тогда снова собирается сходъ и опять бросается жребій.

Лопари пользуются большою свободою въ своихъ общественныхъ дѣлахъ, и сходъ или суймъ у нихъ имѣетъ огромное значеніе.

Вся русская Лапландія раздѣлена на двѣ волости: *Поннойскую* и *Кольско-Лопарскую*. Волости, въ свою очередь, дѣлятся на общества; а каждое общество состоитъ изъ нѣсколькихъ погостовъ ¹⁾.

При каждой изъ двухъ волостей есть свой волостной судъ, чтобы разбирать тяжбы и преступленія среди лопарей. Но лопари очень рѣдко обращаются къ волостному суду, какъ потому, что ихъ погосты отстоятъ слишкомъ далеко отъ волостныхъ правленій, такъ и потому еще, что судьями въ немъ являются русскіе, а не лопари. Обыкновенно, когда у лопаря есть дѣло, требующее судебного разбирательства, онъ обращается къ своему сходу.

Сходъ бываетъ или всего общества или только погоста. Когда лопари всего общества съѣзжаются вмѣстѣ, происходитъ и сходъ. Сходъ этотъ выбираетъ людей на общественныя должности, распредѣляетъ подати и повинности; онъ же разбираетъ и тяжбы между лопарями. Дѣла въ сходѣ рѣшаются не единогласно и не большинствомъ голосовъ; тутъ всегда имѣютъ особенное вліяніе наиболѣе старые и наиболѣе уважаемые лопари.

¹⁾ Въ Кольско-Лопарской волости 17 погостовъ, составляющихъ три общества; въ Поннойской волости только четыре погоста.

Сходъ погоста собирается чаще. Его можетъ созвать всякій лопарь, который имѣетъ въ томъ нужду.

Сходу общества или погоста приходится разбирать по большей части небольшія дѣла, напр., жалобы на убійство домашнихъ оленей, на кражи, а также жалобы въ случаѣ ссоры и дракъ.

Убійство домашнихъ оленей въ послѣднее время встрѣчается довольно часто. Какой-нибудь лопарь, отправившись на охоту за дикими оленями, не удержится и убьетъ встрѣтившагося домашняго оленя, которые бродятъ на волѣ. Принеся домой убитое животное, онъ тщательно припрятываетъ его шкуру, по которой хозяинъ оленя можетъ узнать его. Но часто скрыть слѣды все-таки не удастся, и тогда хозяинъ жалуется сходу. Если сходъ признаетъ вину, то заставляетъ виновнаго: 1) уплатить стоимость оленя; 2) вернуть шкуру и 3) заплатить еще штрафъ. Штрафъ состоитъ обыкновенно изъ водки, которую распиваютъ потомъ и обвинитель, и судья, и самъ виновный.

Кромѣ суда схода, у лопарей существуетъ еще третейскій судъ. Такъ какъ большую часть года они живутъ разрозненно, на рыбныхъ промыслахъ, то далеко не всегда имъ удобно созывать сходъ. Поэтому въ случаѣ какого-нибудь недоразумѣнія, обѣ стороны соглашаются, чтобы ихъ разсудилъ какой-нибудь уважаемый старикъ. Такой судья, разобравши дѣло, старается примирить обѣ стороны. Когда миръ состоится, виновный покупаетъ водки, и всѣ трое распиваютъ ее вмѣстѣ. Другого вознагражденія судья за свой трудъ не получаетъ.

V. Историческій очеркъ русскихъ лопарей.

По преданіямъ и сохранившимся записямъ, лопари какъ въ Скандинавіи, такъ и въ Россіи, жили когда-то гораздо южнѣе, чѣмъ теперь. Напр., въ Россіи еще въ XIV вѣкѣ лопари встрѣчались около Онежскаго озера. Жили они также около Новгорода и Ладожскаго озера. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, лопари нѣкогда занимали и всю Финляндію. Самое имя *финны* или *сумь* первоначально принадлежало будто бы теперешнимъ лопарямъ. Когда же лопари отодвинулись на сѣверъ, это названіе перешло отъ нихъ на теперешнихъ обитателей Финляндіи. Какія-то неизвѣстныя намъ передвиженія народовъ оттѣснили лопарей на самый крайній сѣверъ, загнали ихъ къ предѣламъ океана и дали имъ то имя, которымъ мы ихъ называемъ и котораго они сами за собою не признаютъ. Сами лопари называютъ себя *сабмо*, *само*, *саоме* или *суоми*, слово же лопарь происходитъ отъ финскаго корня *lor*, *loar*, что значитъ: край, предѣлъ ¹⁾.

Среди лопарей до сихъ поръ сохранилось немало преданій объ ихъ прошлой борьбѣ съ другими народами, которыхъ они называютъ общимъ именемъ *чуди*. Это названіе обыкновенно присвоивается цѣлой группѣ народовъ финскаго племени, когда-то населявшихъ сѣверъ Россіи. Но у лопарей подъ общимъ понятіемъ *чуди* подразумѣваются вообще всѣ враги ихъ: и шведы, и норвежцы, и финны, и корелы, и даже Русскіе.

Преданія о набѣгахъ *чуди* и теперь еще живы среди лопарей. Хорошо жилось въ старые годы, рассказываютъ они, но пришла *чудь*, и жить стало опасно, такъ опасно,

¹⁾ Д. Н. Островскій. „Лопари и ихъ преданія“.

что люди не смѣли жить на землѣ, а хоронились въ ямахъ и въ амбарахъ. Но даже и въ этихъ ямахъ они не могли быть покойны. Выходилъ изъ ямы дымъ, сидѣли тамъ неспокойно, слышался шорохъ, трава была кругомъ помята. Чудь легко открывала лопарей и убивала ихъ.

Въ борьбѣ съ чудью у лопарей было только одно орудіе—это хитрость и находчивость. И у нихъ существуетъ много рассказовъ, гдѣ находчивый удалецъ лопарь одинъ спасаетъ свой погостъ отъ цѣлой шайки чуди. Вотъ для примѣра подобный рассказъ.

„Давнымъ давно изъ Швеціи, съ озера Энаре, чудь подь предводительствомъ одного атамана пошла по рѣкѣ Пазъ. Было чуди много; она шла разорять Пазрѣцкій погостъ. Съ ними былъ проводникъ лопарь, и при помощи его чудь благополучно прошла всѣ водопады. Осталось имъ перейти черезъ горы съ карбасами, чтобы обойти послѣдній водопадъ, чтобы попасть въ Пазрѣцкій погостъ. Опасъ (проводникъ) услышалъ шумъ водопада и сказалъ: „шумъ оттого, что соленая вода дерется съ прѣсною. Намъ будетъ лучше проѣхать, если свяжемъ вмѣстѣ карбасы; а я привяжу свой карбасъ послѣдній“. Они послушались опасы, связали вмѣстѣ всѣ лодки; опасъ привязалъ свой карбасъ послѣднимъ. Когда вода помчала первый карбасъ къ водопаду, лопарь отрѣзалъ веревку отъ своей лодки, направилъ ее къ берегу, самъ выскочилъ. Чудь вся въ падунѣ утонула и убила. Тѣла чудиновъ выбросило на берегъ—ихъ тамъ и похоронили. Лопари Пазрѣцкаго погоста наградили опасы, спасшаго ихъ отъ нашествія чуди“¹⁾.

1) Н. Харузинъ. „Русскіе лопари“.

Кромѣ чуди у лопарей былъ еще врагъ—Сталло. Чудь всегда приходила войскомъ. Сталло же являлся одинъ съ своей собакой. „Сталло“ означаетъ человѣка, закованнаго въ латы—„стальной человѣкъ“. По всей вѣроятности въ немъ воплотилось представленіе о скандинавскихъ богатыряхъ, собирающихъ дань и угнетающихъ лопарей. Сталло дерется кулакомъ, а иногда царапается, кусается, но убиваетъ всегда ножомъ. Ножомъ же надо отъ него и защищаться, такъ какъ кромѣ ножа его можно убить только серебряной пулей. Онъ носить всегда за спиной деньги. Если убьешь Сталло, надо убить и его собаку, иначе она станетъ лизать его кровь, и Сталло оживетъ. Противъ Сталло также лучше всего дѣйствовать хитростью. Разказы о Сталло очень многочисленны и разнообразны ¹⁾.

Между прочимъ русскимъ лопарямъ пришлось выдержать долгую и упорную борьбу съ своими одноплеменниками корелами, которые въ концѣ концовъ и стѣснили ихъ въ предѣлахъ Кольскаго полуострова.

Въ XIII столѣтіи въ Лапландію проникли новгородцы. Это были сначала вольные ушкуйники, которые приходили сюда для грабежа. Только въ концѣ XIII вѣка или въ началѣ XIV новгородцы завладѣли Лапландіей, какъ своею волостью, и обложили лопарей опредѣленной данью. Они же основали тутъ первое русское поселеніе у Ледовитаго океана *Колу*. Господство ихъ надъ лопарями продолжалось два столѣтія. Въ XVI вѣкѣ, съ паденіемъ Новгорода, Лапландія перешла во власть Москвы. Съ этого времени для нея началась новая эпоха—распространеніе въ ней христіанства.

¹⁾ Д. Н. Островскій. „Лопари и ихъ преданія“.

Съ распространіемъ христіанства въ Лапландіи обыкновенно связываютъ имена Трифона Печенгскаго и Θεодорита Кольскаго. Но еще раньше ихъ были въ Лапландіи проповѣдники христіанства, имена которыхъ остались забыты. Лѣтописи говорятъ намъ о случаяхъ, когда сами лопари обращаются въ Москву и Новгородъ съ просьбой прислать имъ священниковъ. Слѣдовательно христіанство тогда имъ было уже извѣстно.

„Въ 1526 году, — какъ говорится въ древней Ростовской лѣтописи, — пріѣхаше къ Москвѣ лопляне съ Моря-Окіяна, изъ Кандалакшской губы, усть Нивы рѣки, изъ дикой Лопи, и били челомъ Государю и просили антиминса и священниковъ церковь свящати и просвѣтити ихъ святымъ крещеніемъ. И Государь велѣлъ архіепископу Макарію послати изъ Новаграда отъ соборныхъ церквей священника и діакона, и они ѣхавше свящали церковь Рождества Іоанна Предтечи и многихъ лоплянъ крестиша“.

Спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1532 году, пришли въ Новгородъ съ такой же просьбой лопари съ Мурманскаго берега и съ рѣкъ Колы и Туломы. Имъ также были посланы священники, которые крестили нѣкоторыхъ лопарей.

Но болѣе всего для распространенія христіанства въ Лапландіи сдѣлали пр. Трифонъ и Θεодоритъ, которыхъ потому и называютъ просвѣтителями лопарей.

Трифонъ происходилъ изъ теперешней Новгородской губерніи. Онъ отправился въ Лапландію сначала ради торговыхъ и промышленныхъ цѣлей и поселился въ пограничной съ Норвегіей области, на рѣкѣ *Печенгъ*. Постоянно встрѣчаясь съ дикими, невѣжественными, далеко разсѣянными другъ отъ друга лопарями, онъ началъ про

повѣдывать имъ христіанство, но крестить ихъ не могъ, такъ какъ самъ онъ не былъ священникомъ. Часто подвергался онъ нападеніямъ и преслѣдованіямъ лопарскихъ колдуновъ, но энергично продолжалъ свою дѣятельность и, наконецъ, рѣшилъ окончательно посвятить себя просвѣщенію лопарей. Ознакомясь со страной, онъ посѣтилъ Колу. Здѣсь въ то время была небольшая часовня и при ней іеромонахъ Илья. Трифонъ уговорилъ его пойти съ собой въ Печенгу и крестить находящихся тамъ лопарей. Одновременно съ этимъ Илья посвятилъ самого Трифона въ монахи. Трифонъ построилъ церковь, и лопари охотно приходили къ нему, жертвовали на церковь разныя вещи, отводили въ пользу ея земли, озера, рѣки и рыбныя становища въ морѣ. Мало-по-малу сюда стали стекаться и другіе благочестивые люди и монахи изъ Россіи. Въ 1550 году Трифонъ основалъ тутъ монастырь — недалеко отъ впаденія Печенги въ океанъ. Спустя нѣкоторое время онъ отправился въ Москву и здѣсь получилъ отъ царя Іоанна Грознаго жалованную грамоту, по которой всѣ окрестныя земли и заливы, рѣки и озера были приписаны къ новому Печенгскому монастырю.

Въ 1583 году Трифонъ умеръ; а уже въ 1590 году на монастырь внезапно напали шведы, разграбили и сожгли его. Въ 1596 году монастырь былъ вновь отстроенъ, но уже на новомъ мѣстѣ — у устья рѣки Колы. Въ 1619 году и этотъ монастырь сгорѣлъ, а затѣмъ опять возстановился по другую сторону р. Колы, подъ именемъ Кольско-Печенгскаго монастыря. Часть монаховъ осталась жить на р. Колѣ, другіе же поселились опять на Печенгѣ.

Печенгскій монастырь просуществовалъ до 1764 года и былъ, наконецъ, совсѣмъ упраздненъ, такъ какъ при-

шелъ въ полный упадокъ. Только въ наше уже время, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, онъ снова возобновился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ основанъ Трифономъ.

Печенгскій монастырь въ продолженіе большого времени имѣлъ огромное значеніе для жизни лопарей. С теченіемъ времени, отчасти по новымъ жалованнымъ грамотамъ, отчасти же покупкой и даже насильственными захватами земель и угодій, монастырь сильно расширилъ свои владѣнія и разбогатѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ часть лопарей была поставлена московскимъ правительствомъ въ зависимость отъ монастыря, какъ монастырскіе крестьяне. Монастырь получилъ право суда и расправы надъ лопарями. Но приобрѣтая власть и все больше богатѣя, монастырь забываетъ о своемъ первоначальномъ назначеніи — служить распространенію христіанства и просвѣщенія среди лопарей и становится изъ просвѣтителя угнетателемъ этого племени. Прежніе строгіе нравы исчезаютъ въ монастырѣ. Мы видимъ во многихъ правительственныхъ грамотахъ упреки монахамъ за корыстолюбіе, за своевольные захваты лопарскихъ земель, за нетрезвую жизнь. Дѣло, такъ горячо начатое Трифономъ, замираетъ. Во времена Трифона лопари охотно принимали крещеніе и даже сами просили себѣ священниковъ. Напротивъ, въ концѣ XVII столѣтія ихъ приходилось побуждать къ этому наградами и льготами.

Въ одно время съ Трифономъ служилъ тому же дѣлу другой проповѣдникъ, монахъ Соловецкаго монастыря, Θεодоритъ. Онъ устроилъ монастырь при устьѣ рѣки Колы, изучилъ лопарскій языкъ и велъ свою проповѣдь среди лопарей на ихъ родномъ языкѣ. Между прочимъ онъ перевелъ нѣсколько молитвъ на лопарскій языкъ.

Христіанство проникло къ русскимъ лопарямъ столѣтіемъ раньше, чѣмъ къ скандинавскимъ. Но въ Скандинавіи христіанство, распространяясь гораздо позднѣе, шло рука объ руку съ грамотностью. Напротивъ, у насъ долго никто не думалъ объ истинномъ просвѣщеніи лопарей. Какъ первые просвѣтители, такъ и ихъ послѣдователи ограничивались только формальной стороною дѣла; сущность христіанства осталась чужда лопарямъ. Въ этомъ отношеніи многое могъ бы сдѣлать Печенгскій монастырь, но вмѣсто этого, онъ дурнымъ обращеніемъ съ лопарями только способствовалъ ихъ обѣднѣнію и надолго оставилъ ихъ коснѣть въ невѣжествѣ.

Въ настоящее время лопарей называютъ иногда даже „добрыми христіанами“, потому что они усердно ходятъ въ церкви, разумѣется, если церковь находится поблизости, ставятъ свѣчи передъ иконами, соблюдаютъ посты, а нѣкоторые знаютъ даже немного молитвъ. Но дальше внѣшнихъ обрядностей они не ушли. У нихъ до сихъ поръ сохранились остатки древнихъ языческихъ вѣрованій, которыя наложили свой отпечатокъ и на то, какъ они понимаютъ самое христіанство. Еще не особенно давно въ Лапландіи было всего только три церкви: въ Колѣ, на Печенгѣ и на Пазъ-рѣкѣ. Чтобы побывать въ церкви, лопарю приходилось ѣхать за нѣсколько десятковъ и даже за сотню верстъ. Въ нѣкоторыхъ погостахъ были часовни, куда изрѣдка заѣзжалъ священникъ для исполненія требъ. Въ послѣднее время число церквей значительно увеличилось. При нѣкоторыхъ изъ нихъ — правда, немногихъ — устроились школы, которыя за небольшое время своего существованія уже успѣли принести большую пользу лопарямъ. Школы устраиваются при зимнихъ погостахъ, и лопари охотно стали въ послѣднее

время посылать учиться своихъ дѣтей. Надо надѣяться, что распространеніе грамотности послужитъ наилучшимъ средствомъ въ борьбѣ противъ языческихъ суевѣрій и вообще поможетъ лопарямъ выйти изъ того угнетеннаго состоянія, въ которомъ многіе изъ нихъ находятся въ настоящее время.

Угнетеніе, которому подвергались многіе лопари со стороны Печенгскаго монастыря, было не единственное. Другая часть лопарей, свободныхъ отъ ига монастырскаго, подпала подъ иго свѣтскихъ людей, которые ихъ безсовѣстно эксплуатировали. Торговля съ лопарями всегда велась недобросовѣстно. Ихъ обманывали и даже насильственно захватывали ихъ товары. Часто доходило до вооруженныхъ столкновеній, и, конечно, терпѣли обыкновенно лопари, какъ слабѣйшіе. Ихъ спаивали водкой, чтобы выманить у нихъ за безцѣнокъ дорогіе мѣха. Кроме того, лопари постоянно страдали отъ неопредѣленности границъ между сосѣдними государствами: Россіей, Швеціей и Норвегіей. Отъ пограничныхъ лопарей часто требовали дань всѣ три или два сосѣднихъ государства. Такимъ образомъ появились такъ называемые, двоеданные и троеданные лопари, т.-е. платившіе дань двумъ или тремъ государствамъ. Только сравнительно недавно, въ 1826 году, были, наконецъ, строго опредѣлены границы между этими государствами, по договору между Россіей и Швеціей.

Вообще исторія лопарей, за весь промежутокъ времени, какъ мы знаемъ ее, — печальная исторія. Заброшенное на далекій, непривѣтливый сѣверъ, племя это при своихъ столкновеніяхъ съ другими, болѣе культурными народами, почти всегда испытывало на себѣ только ихъ гнѣтъ. Когда-то, еще въ XVI столѣтіи, Трифонъ и Тео-

дорить и еще другіе безвѣстные труженники задумали высокое дѣло — просвѣтить ихъ христіанскимъ ученіемъ. Но дѣло это не привилось и заглохло послѣ нихъ. Пришельцы въ Лапландію смотрѣли на лопарей, только какъ на предметъ эксплуатаціи. Лопари долго не видали отъ русскихъ ничего, кромѣ презрѣнія и обмана. И при такихъ условіяхъ они мало, конечно, могли позаимствовать отъ нихъ хорошаго. Продолжительный обманъ заставилъ ихъ быть насторожѣ и ихъ научилъ обманывать. Опаиванье лопарей ради корыстныхъ цѣлей приучило ихъ къ пьянству. Вообще произошла обыкновенная исторія: некультурное племя, на которое долго не хотѣли смотрѣть почеловѣчески, постепенно утратило многія изъ своихъ первобытныхъ нравственныхъ свойствъ, а отъ цивилизаціи усвоило только ея обратную сторону. Впрочемъ, несмотря на упадокъ нѣкоторыхъ первобытныхъ нравовъ, лопари остались до сихъ поръ честнымъ, добродушнымъ и незлобивымъ народомъ. И надо думать, что постепенно развивающаяся среди нихъ грамотность подниметъ ихъ какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

Лопари не принадлежатъ къ вымирающимъ племенамъ. Напротивъ, среди нихъ замѣчается, хотя и медленный, приростъ. Но съ ними происходитъ иное явленіе: они мало-по-малу русѣютъ. Несмотря на то, что русскіе часто обнаруживали презрѣніе къ лопарямъ, лопари невольно чувствовали къ нимъ тяготѣніе и подчинялись ихъ культурѣ. Вліяніе это пока сказывается внѣшнимъ образомъ и притомъ среди лопарей, живущихъ въ содѣдствѣ съ русскими. Какъ мы уже видѣли, лопари перенимаютъ у русскихъ одежду, отчасти пищу и жилище. Сколько-нибудь разбогатѣвшій лопарь стремится замѣ-

нить свою тупу русской избой съ русской печью. Пере-
нимаются постепенно и многіе русскіе обряды и русскія
пѣсни. Въ лопарскій языкъ вошло много русскихъ словъ.
Развитіе христіанства и грамотности должно еще боль-
ше усилить это обрусѣніе лопарей. И вѣроятно, спустя
нѣкоторое время, лопари потеряютъ свои особенныя пле-
менные черты и постепенно сольются съ окружающею
ихъ русской народностью.

VI. Религіозныя представленія и народная поэзія лопарей.

Въ то время, когда русскіе столкнулись съ лопаря-
ми, у нихъ существовала вполне развитая мифологія. У
нихъ было много боговъ — и высшихъ и низшихъ. Они
вѣрили въ высшее божество, *Радіенъ-Атчіе*, живущее
на небѣ, которому подвластны всѣ другіе боги. У Радіенъ-
Атчіе (атчіе — отецъ). былъ единственный сынъ, *Радіенъ-
Кіедде*, которому отецъ поручилъ дѣло творенія. Въ этомъ
представленіи о высшемъ божествѣ и его сынѣ уже ска-
зывалось отдаленное вліяніе христіанства. Но признавая
высшее божество, лопари въ то же время олицетворяли
различныя силы природы. Среди ихъ высшихъ боговъ
мы встрѣчаемъ бога солнца (*Бейве* или *Шейве*), бога гро-
ма (*Айеке*), бога охоты (*Сторьюнкаре*). Солнце, по пред-
ставленіямъ лопарей, объѣзжаетъ небо на оленѣ или мед-
вѣдѣ. Въ продолженіе полугода оно озаряетъ своимъ свѣд-
томъ міръ и потомъ куда-то скрывается, и тогда насту-
паютъ тьма и холодъ. У солнца была сестра, мать, же-
на и дочь, которыя часто упоминаются въ лопарскихъ
сказкахъ.

Богъ грома (*Айеке*) постоянно борется съ злыми духами. Онъ поражаетъ ихъ своими стрѣлами-молніями. Лукъ, изъ котораго онъ мечетъ стрѣлы, это — радуга. Когда *Айеке* ходитъ по тучамъ, происходитъ громъ.

Богъ охоты (*Сторьюнкаре*) властвуетъ надъ всѣми животными, и домашними и дикими, и помогаетъ лопарямъ на охотѣ. Болѣе всего изъ этихъ боговъ лопари почитали *Айеке*.

Высшія божества, обитавшія на небѣ, въ воздухѣ и на землѣ, были свѣтлыя и благодѣтельные для людей. Но были еще мрачныя и враждебныя для нихъ божества; они жили подъ землей. Тамъ, подъ землей, находилась страна мертвыхъ, гдѣ души людей, обновленныя новыми тѣлами, или блаженствуютъ или мучаются, смотря по своимъ земнымъ дѣламъ. Властителемъ этой подземной страны былъ *Рота* или *Руота* — злое божество.

Кромѣ высшихъ боговъ, было еще много второстепенныхъ: это духи, населявшіе землю и воду, живущіе въ лѣсахъ и на горахъ, повелѣвающіе вѣтрами и тучами. Вѣрованія въ этихъ духовъ сохранились отчасти и теперь, несмотря на христіанство.

Идоловъ у лопарей было немного. Обыкновенно они дѣлали изображенія только двухъ боговъ: *Айеке* — деревянное и *Сторьюнкаре* — каменное. Но кромѣ того, они почитали и почитаютъ еще и сейчасъ нѣкоторые камни и утесы, которые они называютъ *сейтами*. Камень есть собственно мѣсто обитанія сейта; но лопари переносятъ свое почитаніе и на самые камни, почитая ихъ священными.

Лопарь представляетъ себѣ сейта, какъ существо невидимое, но могущее превращаться въ живое существо, напимѣръ, въ птицу, рыбу, звѣря, наконецъ, въ чело-

вѣка. Сейтъ живетъ жизнью лопаря: онъ водить оленей, держитъ собакъ, строитъ вѣжи, карбасы, кережи; онъ вступаетъ въ бракъ, рождается и умираетъ. Такимъ образомъ названіе „сейтъ“ означаетъ и камень и духа. Можно думать, что камни эти были прежде надгробными памятниками надъ могилами предковъ, а потомъ уже почитаніе предка перешло на камень. Между прочимъ, сейтамъ-камнямъ приносили жертвы и обмазывали ихъ кровью или рыбьимъ жиромъ.

У лопарей существуетъ много разказовъ о сейтахъ. Въ однихъ говорится о происхожденіи сейтовъ: въ камни превращаются люди. Въ другихъ разказывается о столкновеніи человѣка съ сейтомъ. Нѣкоторые лопари будто бы знакомы съ сейтомъ и ведутъ съ нимъ дружбу. Такой лопарь можетъ испортить человѣка и даже накликать ему скорую смерть.

Вотъ одинъ разказъ о происхожденіи сейта.

На берегу Сейтъ-Явера (озеро) и теперь стоитъ каменный сейтъ. На одной ногѣ его одѣта каньга (лопарскій башмакъ), на другой сапогъ. Приѣдутъ лопари ловить рыбу и подносятъ передъ ловлей сейту табаку. А женщины по этому берегу и ходить не смѣютъ и остаются на противоположномъ берегу. — Давно еще, когда чудь ходила, окружили лопари чудскаго богатыря и сказали ему, чтобы онъ сдался. А когда онъ согласился, велѣли надѣть на одну ногу каньгу (въ знакъ покорности). Надѣлъ шведъ каньгу, а лопари все-таки его убили. Съ тѣхъ поръ онъ стоитъ тамъ, камнемъ сдѣлался и сталъ сейтомъ¹⁾.

Своимъ богамъ лопари въ старину приносили жертвы:

1) А. Яценко. „Нѣсколько словъ о Русской Лапландіи“.

оленей, собакъ и другихъ животныхъ. Приносили эти жертвы *нойды*. Но *нойды* были не только жрецами, а также колдунами и шаманами. Подобно шаманамъ многихъ другихъ сѣверныхъ народовъ, они занимались гадаемь и лѣченіемъ больныхъ. Они также имѣли бубень и особую шаманскую одежду. *Нойдами* бывали и женщины. Лопарскіе колдуны славились далеко и внѣ Лапландіи. Не даромъ Лапландія (или древняя *Похьола*) называлась „мрачной страной чародѣевъ“.

Нойды сохранились и до нашего времени. Если исключить жертвоприношенія, которыя теперь вывелись изъ употребленія въ прежнемъ видѣ, то *нойды* сохранили и теперь свою прежнюю дѣятельность. Они также предсказываютъ будущее, узнаютъ, что происходитъ въ отдаленныхъ краяхъ; лѣчатъ болѣзни и сами могутъ насылать ихъ; гадаютъ и узнаютъ о пропавшихъ вещахъ. Они могутъ приносить добро и причинять зло людямъ. Лопари сильно вѣрятъ въ своихъ колдуновъ-нойдовъ, и эту вѣру въ нихъ раздѣляютъ вмѣстѣ съ лопарями и колянне и русскіе поморы.

Какимъ могуществомъ, по мнѣнію лопарей, обладаетъ *нойда*, можно заключить изъ слѣдующаго разсказа, гдѣ *нойда* приноситъ пользу одному лопарю даже помимо своей воли.

„Былъ не очень давно еще въ Пазрѣккѣ одинъ лопарь, по имени Никита. Онъ былъ раньше хорошій охотникъ, но послѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, ему не удавалось убить ни одного звѣря, ни птицы; и онъ сталъ чувствовать большую нужду. Однажды пріѣхалъ въ Пазрѣку *нойда*. Никита пошелъ къ нему навстрѣчу и пригласилъ его къ себѣ въ тупу. Вечеромъ онъ его угостилъ, какъ слѣдуетъ, а послѣ ужина приготовилъ *нойдѣ*

постель и незамѣтно положилъ ему внизъ подъ голову рогъ съ порохомъ и пулями. Утромъ колдунъ сталъ перебирать въ головахъ у себя все платье и наконецъ дошелъ и до рога. Взялъ онъ ихъ въ руки и сказалъ Никитѣ: „Кто тебя научилъ сюда ихъ положить?“ — „Ѣсть захочешъ поневолѣ положишь“. — „Ну, возьми, теперь будешъ доставать хорошо“. И дѣйствительно, послѣ этого старикъ съ охоты никогда больше не возвращался съ пустыми руками ¹⁾).

Что касается жертвоприношеній, то они исчезли въ своемъ первоначальномъ видѣ, но отчасти сохранились въ нѣсколько иной формѣ. Напр., выше указанъ случай приношенія въ жертву лопарями сейту табаку предъ началомъ рыбной ловли. Подобнымъ же образомъ, предъ началомъ рыбной ловли, иногда просятъ нойду наговаривать на свинецъ и бросаютъ его въ рѣку, повыше того мѣста, гдѣ производится ловъ. Иногда вмѣстѣ со свинцомъ бросаютъ серебряныя монеты. Берутъ также „какой-нибудь гостинецъ“ и бросаютъ въ воду; затѣмъ тутъ же вся семья выпиваетъ понемногу водки и говоритъ: „нате вамъ гостинецъ“.

Вообще, несмотря на то, что христіанство существуетъ въ Лапландіи уже нѣсколько вѣковъ, до сихъ поръ въ міросозерцаніи лопарей сохранилось много языческихъ элементовъ. Вѣра въ колдуновъ, духовъ, сейтовъ еще сильна среди нихъ. Но, съ другой стороны, и языческія возрѣнія приняли во многихъ случаяхъ отпечатокъ христіанскихъ вѣрованій. Напр., лопари, какъ бы стараясь примирить язычество съ христіанствомъ, еще не особенно давно чертили жертвенной кровью кресты на идолахъ

¹⁾ Н. Харузинъ. „Русскіе лопари“.

и сейтахъ. Современный нойда, приступая къ своему колдовству, читаетъ вслухъ молитву: „Господи Боже, помилуй насъ грѣшныхъ“.

Христіанскія вѣрованія отразились между прочимъ и на представленіи лопарей о загробной жизни. Мы уже говорили объ ихъ понятіяхъ, о какой-то подземной странѣ, гдѣ властвуетъ *Рота* и другіе подземные боги. Въ послѣдствіи, подѣ вліяніемъ христіанства, у лопарей сложились представленія о раѣ, который находится на небесахъ, и объ адѣ, находящемся подѣ землей. Душа, по представленіямъ лопарей, обитаетъ у людей въ груди, около сердца. Послѣ смерти человѣка душа его улетаетъ изъ тѣла и идетъ къ Богу, гдѣ остается въ продолженіе первыхъ трехъ дней. Послѣ этого она возвращается на землю и еще долго путешествуетъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ она бывала при жизни. Путешествуетъ она на оленѣ. Поэтому въ прежнее время на могилѣ покойнаго закалывали оленя, теперь же платятъ священнику за похороны непременно оленемъ. По окончаніи блужданія душа добраго человѣка идетъ къ Богу, а грѣшнаго—въ адъ, гдѣ ее мучатъ частью въ огнѣ, частью холодомъ. Иногда бываетъ, что чортъ не принимаетъ къ себѣ душу грѣшнаго человѣка и скажетъ ей: „ступай, ты мнѣ не нужна“. Тогда душа идетъ снова къ Богу, который, если не проститъ ее Самъ, принимается мучить ее на небѣ, а потомъ все-таки посылаетъ опять въ адъ.

Вѣрованія лопарей въ загробную жизнь замѣчательно поэтично отразились въ одной лопарской сказкѣ, записанной Н. Харузинымъ: „Что бываетъ со скупыми на томъ свѣтѣ“. Приведемъ цѣликомъ эту сказку.

„Жилъ давнымъ-давно очень богатый лопарь, а былъ онъ очень скупой. Бѣднымъ никогда никому ничего не

давалъ, да и дорожныхъ никого не кормилъ. Наконецъ, онъ 70 лѣтъ умеръ, и когда душа его пришла къ Господу, то Онъ сказалъ: „Мнѣ не нужно тебя, потому что ты не помогалъ Моимъ ребятамъ“. — „Твоихъ ребятъ я, Господи, никогда не видалъ, — отвѣтилъ онъ, — а если бы видѣлъ, то помогъ непременно“. — „Мои ребята, — сказалъ Господь, — это всѣ бѣдные люди и нуждающіеся“. — Господи! будь милостивъ, спусти теперь меня на землю, и я буду помогать всѣмъ бѣднымъ людямъ. Дай мнѣ тамъ пожить еще, и я буду помогать всѣмъ бѣднымъ, сколько могу, непременно“. Богъ помиловалъ его, и онъ пробудился, возсталъ отъ смерти.

„Жилъ онъ послѣ этого на землѣ хорошо. Бѣднымъ всѣмъ помогалъ и дорожныхъ-проѣзжающихъ кормилъ. Такъ прожилъ онъ два года. Послѣ этого же времени изъ добраго опять сдѣлался такимъ же, какимъ и былъ. Господь увидѣлъ его злость, опять наказалъ его: онъ сдѣлался сильно боленъ, такъ что, говорятъ, былъ ни живой, ни мертвый. Явился къ нему разъ ангелъ и сказалъ: „ты сталъ жить по-своему, а не такъ, какъ сулился Господу, и онъ тебя наказалъ“. Старикъ со слезами просилъ здоровья, говоря: „прости меня, я послѣ этого буду жить хорошо“. Богъ на этотъ разъ не помиловалъ его; послѣ своихъ тяжкихъ страданій онъ, наконецъ, умеръ. Когда душа его пришла къ Богу, Онъ не принялъ и послалъ ее къ чорту. Чортъ далъ душѣ старика холодную избу; она жила тамъ въ холоду, отъ котораго постоянно едва-едва не замерзала. Сталъ онъ тамъ молиться Богу и просилъ прощенія и другого себѣ мѣста. Чортъ черезъ нѣсколько времени сказалъ: „мнѣ тебя не нужно“. Его выгнали изъ холодной избы прочь.

„Душа его послѣ этого опять пошла на небо, и тамъ дали ей доску, и ее повалили тутъ. На этой доскѣ на воздухѣ, никѣмъ не поддерживаемая, она и висѣла, и при вѣтрѣ качалась такъ же точно, какъ маленькій карбасъ въ морѣ на волнахъ. Живущіе на небѣ вверху люди ходятъ надъ нимъ и видятъ. Ему было очень стыдно. Такъ грѣшная душа его мучилась тутъ три года, а послѣ этого времени Богъ послалъ ее въ адъ. Въ адъ бросили ее въ большой котель, и тутъ она стала вариться. Когда одна половина у нея сгоритъ, тогда другая опять вырастетъ на мѣсто ея. Это повторялось много разъ.

„Было у этого старика три хресника (крестника), и они увидѣли его страшныя мученія. Они стали думать, какъ бы ему пособить, и придумали слѣдующее. Сначала одинъ хресникъ сдѣлалъ уду, привязалъ къ ней веревку и бросилъ уду въ котель. Удилъ, удилъ, и хресной, наконецъ, на уду попалъ. Онъ потянулъ его. Тянулъ, тянулъ и дотянулъ уже до края, т.-е. на самый верхъ котла, какъ его тамъ кто-то въ это время за ногу захватилъ, и веревка отъ сильной тяжести сорвалась, а старикъ пошелъ опять вариться. Очередь была теперь другого хресника. Онъ сдѣлалъ сакъ, какимъ поднимаютъ изъ воды рыбу, и сталъ сачить. Долго онъ не могъ поддѣть своего хреснаго, но наконецъ поддѣлъ и сталъ его тянуть. Дотянулъ уже до края, когда онъ могъ выйти, но въ это время онъ сдѣлался какъ маленькая рыбка, прошелъ сквозь сакъ и опять ушелъ до дна. Третій хресникъ послѣ этого сказалъ: „я свяжу самый частый и крѣпкій неводъ, и будемъ въ котлѣ неводить. Если это не пособить, тогда уже, значить, намъ ничего не сдѣлать, никакъ не пособить ему“. Неводъ приготовилъ и

сталъ имъ неводить въ котлѣ. Старикъ, хотя не скоро, но опять попалъ въ неводъ. Потянулъ и вытянулъ опять до краю, какъ въ это время неводъ подхреснымъ прорвался, и онъ опять ушелъ въ котель. Послѣ этого хресники сказали: „противъ Господа сдѣлать ничего нельзя, и вѣрно онъ большой грѣшникъ“. Старикъ поэтому и теперь варится въ котлѣ за свои грѣхи“¹⁾.

Среди нѣкоторыхъ лопарей существуетъ также замѣчательно поэтичная легенда о томъ, какъ наступитъ конецъ міра.

„Великій горный духъ — *Арома-Телле*, ростомъ съ десять старыхъ сосенъ, охотится со своими собаками, каждая съ быка величиною, на большого бѣлаго оленя, съ черной головой и золотыми рогами. Охота эта продолжается уже невѣсть сколько вѣковъ, и когда Арома-Телле пуститъ въ бѣлаго оленя первую стрѣлу — будетъ первое землетрясеніе. Всѣ старыя каменные горы разсыдутся, выбросятъ огонь, рѣки потекутъ назадъ, озера изсякнутъ, и море оскудѣетъ, высохнетъ. И когда Арома-Телле пуститъ въ оленя вторую стрѣлу, которая вопьется ему въ черный лобъ между двумя золотыми рогами, — огонь охватитъ всю землю; горы закипятъ, какъ вода; на мѣсто морей поднимутся другія горы и загорятся, какъ факелы, озаряя ту далекую землю, откуда идутъ къ намъ льды и дуютъ холодные вѣтры. А когда на оленя кинутся собаки и растерзаютъ его, когда Арома-Телле вонзитъ ножъ въ его трепещущее сердце — звѣзды падаютъ съ неба, старая луна потухнетъ, солнце уто-

1) Н. Харузинъ: „Русскіе лопари“.

нетъ гдѣ-то далеко, далеко... На землѣ не останется ничего живого... и міру конецъ!...“ ¹⁾).

У лопарей существуетъ своя народная поэзія. Какъ мы уже видѣли, у нихъ сохранилось много преданій о чуди и о богатыряхъ — Сталло. Есть у нихъ также сказки о животныхъ, о солнечной женѣ и дочери и т. п. Кромѣ старинныхъ преданій, сказокъ и разсказовъ, существуютъ также и новѣйшія произведенія лопарскаго народнаго творчества. Особенность всѣхъ вообще лопарскихъ произведеній, какъ старинныхъ, такъ и новыхъ, это — ихъ эпическій характеръ. Во всѣхъ разсказъ ведется отъ третьяго лица, совершенно безпристрастно, несмотря на серьезное или шутовское содержаніе. Лирическихъ произведеній почти не встрѣчается. Если даже кто-либо сложитъ лирическую пѣсню, то другіе, повторяя ее, прибавляютъ къ ней присловіе о томъ, кто и по какому случаю сложилъ ее, и такимъ образомъ постепенно пѣсня становится эпической.

Въ лопарскихъ сказкахъ о животныхъ мало оригинальнаго. Они очень напоминаютъ нѣкоторыя русскія сказки. Есть даже совсѣмъ тождественныя. Такова, напр., сказка о лопарѣ и лисѣ.

„Зачала лиса къ лопину въ амбаръ лазить, рыбу таскать. Пришелъ разъ лопинъ въ амбаръ, а лиса тутъ и лежитъ, какъ мертвая. Взялъ ее лопинъ и бросилъ въ кережу съ рыбой: думалъ, дохлая. А лиса всю рыбу изъ кережи повыкидала дорогой и съѣла. Пріѣхалъ лопинъ

¹⁾ *Немировичъ-Данченко*. „Лопская земля“ и „Страна холода“. (Преданіе это, вѣроятно, занесено къ русскимъ лопарямъ изъ Скандинавіи).

домой, видитъ, нѣтъ рыбы. Взялъ онъ собакъ и пустился въ погоню за лисой. А лиса въ норѣ уже сидитъ и сама съ собой говоритъ. „Что, уши, вы дѣлали?“ — „Мы слушали, не идетъ ли лопинь, не лаютъ ли собаки“. — „Что, глаза, вы дѣлали?“ — „Смотрѣли, нѣтъ ли близко лопина“. — „Что, ноги вы дѣлали?“ — „Уносили тебя отъ враговъ твоихъ“. — „Что, ты, хвостъ, дѣлалъ?“ — „Мѣшалъ тебѣ бѣжать“. — „Вотъ какой ты товарищъ“, говоритъ лиса и выставила хвостъ собакамъ. А тѣ вытащили лису за хвостъ и разорвали“¹⁾.

Гораздо интереснѣе и оригинальнѣе сказки о животныхъ, встрѣчающіяся у скандинавскихъ лопарей. Приведемъ содержаніе одной такой сказки о томъ, какъ одни животныя сдѣлались домашними, а другія сохранили свою свободу.

У одного богатаго лопаря была свадьба. На свадьбу онъ пригласилъ въ гости всѣхъ лѣсныхъ звѣрей. Медвѣдь первый пошелъ на зовъ, но на дорогѣ онъ встрѣтилъ мальчика, который сказалъ ему: „куда ты идешь?“ — „На свадьбу къ богатому лопарю“. — „Не ходи туда — сказалъ мальчикъ, — у тебя слишкомъ хорошій мѣхъ: когда ты придешь, всѣмъ захочется имѣть его, и съ тобой случится несчастье“. Медвѣдь послушался совѣта и вернулся. Послѣ медвѣдя пришелъ волкъ, затѣмъ росомаха, послѣ него лисица и много другихъ животныхъ, и всѣмъ имъ мальчикъ далъ тотъ же совѣтъ, и они вернулись. Затѣмъ пришла лошадь, корова, коза, овца и олень, и мальчикъ имъ далъ тотъ же совѣтъ, но они не хотѣли его слушаться и пошли на свадьбу. Тамъ однихъ запрягли, другихъ остригли и т. д. Вслѣдствіе этого, одни жи-

1) А. Яценко. „Нѣсколько словъ о Русской Лапландіи“.

вотныя остались дикими и свободными, другія сдѣлались домашними. Первыя были послушны, а вторыя непослушны, за что и были наказаны ¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ сказкахъ разсказывается о превращеніяхъ людей въ животныхъ, какъ за дурныя дѣла, такъ и по собственной волѣ. Очень интересна и даже трогательна одна сказка, приводимая Д. Н. Островскимъ, о томъ, какъ бѣдность заставляетъ лопаря оборачиваться медвѣдемъ на зиму, потому что лѣтомъ вездѣ кормъ, а зимой медвѣдю кормиться не надо. Весной онъ снова возвращается домой, а слѣдующей зимой опять уходитъ въ лѣсъ и опять становится медвѣдемъ. Жена отправляется искать его, но, найдя мужа, она сама превращается въ медвѣдицу. „Зачѣмъ ты пошла сюда, — говоритъ ей мужъ. — Теперь мы не скоро сдѣлаемся опять людьми; дѣти подумаютъ, что насъ съѣли медвѣди, придутъ сюда и убьютъ насъ“. И дѣйствительно, сыновья разыскиваютъ отца и мать и убиваютъ отца; но мать, наученная имъ заранѣе, бросается на его шкуру и снова принимаетъ человѣчскій видъ ²⁾).

Кромѣ сказокъ и различныхъ историческихъ и мифологическихъ преданій, у лопарей существуетъ много разсказовъ и пѣсенъ, сложившихся въ новое время. Народное творчество у нихъ не остановилось и теперь. Несмотря на то, что лопари стали въ послѣднее время охотно заимствовать русскія пѣсни, но и ихъ собственныя произведенія съ каждымъ годомъ растутъ все больше и больше.

Современныя произведенія лопарской народной поэзіи можно подраздѣлить на пѣсни и разсказы или бы-

1) Н. Харузинъ. „Русскіе лопари“.

2) Д. Н. Островскій „Лопари и ихъ преданія“.

вальщины. По своему содержанію и тѣ и другіе совершенно одинаковы. Вся разница между ними въ томъ, что пѣсня поется, а бывальщина сказывается. Содержаніе тѣхъ и другихъ почерпается изъ самой обыкновенной обыденной жизни. Лопарская жизнь настолько несложна и однообразна, что всякое событіе, чуть-чуть выходящее изъ ряда обычныхъ, уже заинтересовываетъ население погоста и представляетъ достойный матеріалъ для пѣсни или бывальщины. Сватается ли кто-либо въ погостъ или выходитъ замужъ, умеръ ли кто-нибудь, пріѣхало ли въ погостъ какое-нибудь новое лицо, напр., начальство, сейчасъ уже составляется пѣсня или рассказъ. Проѣзжаетъ ли черезъ Лапландію какой-нибудь путешественникъ, и вотъ спустя нѣкоторое время является сложенная про него пѣсня.

Въ этомъ отношеніи лопарскія пѣсни и бывальщины представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія ихъ быта. Въ этихъ пѣсняхъ ясно рисуется вся домашняя жизнь современныхъ лопарей, ихъ взгляды, вкусы и понятія. Многое, что трудно усмотрѣть даже по собственному наблюденію, если только не сжиться вполне съ этимъ народомъ, становится яснымъ при внимательномъ изученіи ихъ пѣсенъ и бывальщинъ. Въ предыдущемъ изложеніи мы приводили нѣкоторыя подобныя пѣсни и рассказы, иллюстрирующіе взгляды и понятія лопарей и знакомящіе насъ съ мелкими подробностями ихъ быта. Чтобы пополнить представленіе о народномъ творествѣ лопарей, приведемъ еще нѣсколько подобныхъ рассказовъ.

Вотъ, напр., любопытный рассказъ о томъ какъ жены съѣли оленя и обманули своихъ мужей. Любопытенъ онъ еще въ томъ отношеніи, что содержитъ въ себѣ большую долю юмора.

„Жили двѣ снохи; ихъ мужья уѣхали на охоту за дикими оленями. Снохи поѣхали на озеро неведомъ рыбу ловить; а мужики увидали оленя, погнались за нимъ: олень и прибѣжалъ къ озеру, гдѣ снохи рыбу неведомъ ловили. Ирвасъ ¹⁾ бросился въ воду и поплылъ. Онѣ на карбасѣ объѣхали ирваса, бросили ему веревку на рога поймали его; сами и говорятъ: „убьемъ ирваса и съѣдимъ, а мужьямъ не скажемъ“. Онѣ захватили ирваса, притянули его на берегъ и убили; убили и привезли домой. А у нихъ была свекровь старая; онѣ и говорятъ: „намъ попался дикій олень—ирвасъ“, и стали его варить; а жиру у него на бокахъ много, толщиной въ двѣ ладони. Варятъ и говорятъ старухѣ: „смотри, сыновьямъ не сказывай, какъ они съ охоты придутъ, что мы оленя убили и съѣли“. Онѣ старухѣ надѣли бѣлыя каньги, да изъ краснаго сукна и изъ желтаго опоры ²⁾ дали, чтобъ она не сказывала; дали ей шелковый съ хазами (нашивками) сарафанъ, да рукава кумачомъ обшитые и тоже съ хазами; потомъ съ бисеромъ сороку, да хорошую косынку надѣли на голову ей; на плечи ей надѣли шелковый платокъ, да еще два золотыхъ перстня дали ей, да двѣ сережки золотыя надѣли ей въ уши и говорятъ: „не сказывай сыновьямъ“. Сварили, стали ѣсть, дали старухѣ; говорятъ: „ѣшь теперь, да сыновьямъ не сказывай“. Онѣ стали ѣсть; ѣли много. Въ два дня оленя съѣли; на третій день осталось всего голова и копыта.

„Жили онѣ, пожили такъ недѣльки двѣ; потомъ приѣхали мужья. Приѣхали, стали спрашивать у женъ: „не видали ли, говорятъ, такого большого ирваса; мы его

1) Ирвасъ — олень самецъ.

2) Длинные ленты, которыми закручиваютъ ноги, когда надѣваютъ каньги.

къ берегу пригнали, а убить его не могли“. Онѣ и говорятъ: „мы не видали никакого оленя; ничего не видали“. Мужикамъ жалко стало, что пропустили такого оленя; опять спрашиваютъ: „не видали ли?“ Онѣ опять говорятъ: „мы никакого оленя не видали, мы ничего не видали“. Снохи пошли опять на озеро неведомъ рыбу ловить, а мужики остались дома со старухой-матерью. Старшій сынъ и началъ у матери спрашивать: „видала ли ты на вѣку своемъ такого оленя: у него непременно было въ бокахъ жиру въ двѣ ладони толщиною?“ Она и говоритъ: „не знаю, видала ли или нѣтъ“. Онъ и говоритъ: „будто ты не ѣдала такого пойда, чтобы на двѣ ладони шириной было?“ „Я тогда ѣла, говоритъ, когда у меня были бѣлыя каньги на ногахъ, да изъ краснаго и изъ желтаго сукна опоры были у меня, да шелковый сарафанъ былъ у меня съ хазами, и бисеромъ сорока была обшитая, хорошая косынка когда была на головѣ, а на плечахъ былъ шелковый платокъ, когда у меня золотыя сережки были въ ушахъ, а на рукахъ два золотыхъ перстня“. Сынъ мать по головѣ гладить, смѣется: „матушка родимая, говоритъ, когда мы были на охотѣ, и былъ этотъ день“. „Да, да, говоритъ, дитячко, тогда и былъ этотъ день“. „Когда замужъ выходила, говоритъ, должно быть была такъ нарядна, тогда матушка ты ѣла“. Посмѣялись, такъ и не узнали“ ¹⁾.

Знакомя насъ съ различными подробностями лопарскаго домашняго быта, рассказы и пѣсни передаютъ какой-нибудь случай по большей части сжато и сухо, безъ какихъ-либо поэтическихъ прикрасъ. Но въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ попадаются и поэтическіе обороты и красивыя сравненія. Молодая дѣвушка иногда сравнивается съ то-

1) Н. Харузинъ. „Русскіе лопари“.

скующую лебедью. Еще чаще прибѣгаютъ къ сравненію съ своимъ любимымъ животнымъ—оленемъ. Дѣвушка часто называется „бѣлой важенкой“, а молодой красивый парень—„гордымъ ирвасомъ“. Въ одной пѣснѣ поется, какъ лопарь зажигаетъ костеръ изъ смолистыхъ вѣтокъ сосны: „и смола потекла, словно слезы, и сучья словно заплакали“. Оригинально также, какъ въ одной пѣснѣ лопарь, совершившій убійство, отзывается о тюрьмѣ, которая представляется ему не мрачной, а, напротивъ, свѣтлой: „тюрьма—свѣтлая избушка ждетъ меня; я тамъ въ ней буду сидѣть“.

Какъ образецъ лопарскихъ пѣсенъ, приведемъ слѣдующую, записанную В. И. Немировичемъ-Данченко, полную поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто лирическую:

„Съ Мурдъ-озера пришелъ ко мнѣ рыболовъ, старый богатый рыболовъ съ Мурдъ-озера. Принесъ онъ съ собою золотую сѣть, золотую сѣть, серебряную. Сказалъ онъ мнѣ: дѣвушка, послушай меня; я поймаю тебя въ свою золотую сѣть, золотую сѣть, серебряную. Я унесу тебя далеко съ собой, далеко съ собой за горы, въ золотой сѣти, серебряной. Я засмѣялась рыболову; громко засмѣялась ему, даже за варакой стало слышно. Поздно пришелъ ты сюда, старый рыболовъ, поздно принесъ ты сюда, богачь-рыболовъ, золотую сѣть, серебряную. Прогадаль ты свою рыбку, упустилъ ее... Ужъ давно попала она въ чужую сѣть, не въ твою золотую-серебряную, а въ простую пеньковую-плетеную. Не къ тебѣ богатому старику, а къ бѣдному да молодому“¹⁾.

Иногда, хотя и довольно рѣдко, въ пѣсняхъ говорится о животныхъ и птицахъ, при чемъ на нихъ пере-

1) В. И. Немировичъ-Данченко. „Страна холода“.

носятся человѣческія чувства и даже придаются имъ человѣческія имена. Вотъ подобная пѣсня, въ которой говорится о невѣрности лебедя своей лебедкѣ. Лебедь въ этой пѣснѣ величается Осипомъ.

„Гуси-лебеди: гонгъ, гонгъ, гонгъ. Лебедка затужила о лебедѣ; у ней сердце ноетъ о немъ; летаетъ всюду по землѣ и нигдѣ не можетъ тоску забыть. Гуси-лебеди лонгъ, лонгъ, лонгъ. Лебедка летала, летала и пришла къ ручью. Осипъ-сердцева тоска сидитъ въ ручьѣ; у ней красная рубашка на себѣ. Лебедка говоритъ: „Осипъ ты гдѣ сидишь? Осипъ-сердцева тоска, говоритъ, выйди долго ли я буду искать?“ Осипъ сидитъ въ глубинѣ на днѣ и не шевелится; у него волосы серебряные. Она подумала, что его убили, стала приплакивать: „у тебя волосы были серебряные, у тебя гребень былъ золотой на твое платье любо было смотрѣть, а теперь на кого я буду смотрѣть? Осипъ-сердцева тоска, отчего ты не выходишь?“ Осипъ сидитъ тамъ, не шевелится, будто камень. Она приплакивала, приплакивала и пошла народъ звать, не могутъ ли его вытянуть. Осипъ зашевелился и закричалъ: „гонгъ, гонгъ, гонгъ!“ Она пришла, созвала народъ. Человѣкъ пришелъ къ ручью, а Осипъ-сердцева тоска сидитъ въ ручьѣ; у него волосы серебряные, а гребнемъ золотымъ чешетъ. Опять лебедка стала приплакивать: „Осипъ-сердцева тоска, выйди оттуда!“ Мужикъ сталъ его доставать, не могъ достать. Потомъ карбасъ досталъ и сталъ доставать. Онъ не могъ достать и подстрѣлилъ его. Лебедка опять заплакала: „Что ты, злодѣй, сдѣлалъ: моего Осипа-сердцеву тоску убилъ“. Она пошла тоже въ ручей посмотреть, убить онъ или нѣтъ. Она обняла его и говоритъ: „ты мой, Осипъ Христовъ, сердцева тоска, тебя мужикъ убилъ“. Только

она это слово промолвила и сказала: „гонгъ, гонгъ, гонгъ“, мужикъ ее тоже убилъ и досталъ и черезъ плечо положилъ“¹⁾).

Напѣвъ лопарскихъ пѣсенъ монотонный и неприятный для слуха. Лопари поютъ визгливымъ голосомъ, преимущественно фальцетомъ. Пѣвецъ упражняется все время на двухъ или трехъ нотахъ, вскрикивая и снова затихая и сильно растягивая переливъ одной и той же ноты. Немировичъ-Данченко говоритъ, что „лопарская пѣсня чрезвычайно напоминаетъ переливаніе воды въ ручьѣ, тихое журчаніе потока. Однообразные мотивы ихъ вѣютъ окружающею лопаря природой“. Обыкновенно пѣсня ужасно растягивается, благодаря привычкѣ дѣлать различныя вставки, въ родѣ „ла, ла, ла“ или „го, го, го“, которыя повторяются безконечное число разъ. Иногда самая пѣсня настолько не замысловата по содержанію, что ее всю можно передать въ нѣсколькихъ словахъ, но, благодаря подобнымъ вставкамъ, она сильно удлиняется.

„Однажды, — говоритъ А. Яценко, — мнѣ лично привелось слушать весьма длинную пѣснь. Пѣніе тянулось добрую четверть часа. По окончаніи ея я полюбопытствовалъ о содержаніи. Лопарь серьезно повторилъ мнѣ нѣсколько разъ, что пѣснь трактуеть о томъ, какъ ирвась видитъ стадо въ 300 важенокъ и никого къ нему не подпускаеть. Въмѣсто подробностей такой темы являлись неизбѣжныя „го, го, го“ и „ла, ла, ла“²⁾).

Иногда пѣсня, простая по содержанію, пріобрѣтаетъ цѣнность и своеобразную красоту, благодаря постепенной обрисовкѣ различныхъ мелкихъ подробностей. Вотъ такая пѣсня:

1) В. Х. „На Сѣверѣ“ и Н. Харузинъ „Русскіе лопари“.

2) А. Яценко: „Нѣсколько словъ о Русской Лапландіи“.

„Пошелъ я на большія вараки, пошелъ за охотой за охотой на оленя. Оленя убилъ большой стрѣлой, большой стрѣлой, желѣзной стрѣлой... Прямо въ сердце ему прошла эта стрѣла, прямо въ горячее кровавое сердце, упалъ онъ на снѣгъ и не двинулся... Взялъ я его съ собой въ погость, на плечахъ принесъ въ погость, на плечахъ принесъ тяжелаго... Срѣзалъ я ему рога, срѣзалъ я ему рога и бросилъ ихъ въ море. Большіе рога бросилъ въ море... Срѣзалъ я ему копыта, срѣзалъ я ему копыта и бросилъ ихъ въ рѣку... Принесъ оленя домой, принесъ его домой, отдалъ отцу и матери его мясо. Отдалъ отцу и матери его мясо, а пойду (олени сало) да сердце кровавое, горячее кровавое сердце отнесу своей милой, любезной“¹⁾.

Встрѣчаются у лапарей и пѣсни шутливаго содежанія, надъ которыми они сами же добродушно посмѣиваются. Такія пѣсни имѣютъ иногда сатирической смыслъ. Напр., въ слѣдующей пѣснѣ осмѣивается соперничаніе въ франтовствѣ и хвастовствѣ молодыхъ, красивыхъ лапарокъ:

Ты ли Катерина, я ли Катерина.

Ты ли Катерина Яковлевна, я ли Катерина Кузьминишна.

У тебя ли стадо оленей, у меня ли стадо оленей.

У тебя ли деньги, у меня ли деньги.

У тебя ли бумажникъ, у меня ли бумажникъ.

Ты сошьешь чапорный печокъ²⁾, я сошью чапорный печокъ.

Ты сошьешь бѣлыя яры, я сошью бѣлыя яры.

Ты сошьешь бѣлыя рукавицы, я сошью бѣлыя рукавицы.

О тебѣ ли идетъ слава, обо мнѣ идетъ слава³⁾.

1) В. И. Немировичъ-Данченко „Страна холода“.

2) Чапорный печокъ — одежда изъ молодыхъ оленей.

3) А. Яценко: „Нѣсколько словъ о русской Лапландіи“.

Какъ противоположность этой малосодержательной пѣснѣ, приведемъ еще одну пѣсню съ простымъ, но глубокимъ содержаніемъ. Она интересна еще потому, что въ ней можно видѣть, какъ первоначально лирическая пѣсня становится эпической, благодаря приставкамъ при передачѣ ея другимъ лицомъ. Въ ней же видно, какъ складывается лопарская пѣсня. Сложившій ее лопаръ говоритъ: „Спойте пѣснь, чтобы всякій видѣлъ и слышалъ, какъ я пошелъ въ солдаты“.

„Жилъ парень. Годовъ съ 12 пошелъ волочиться. Восемнадцать лѣтъ волочился по горамъ, по морямъ, по лѣсамъ. У него лишняго дѣла не было. „Мнѣ не жаль своего мѣста, только жаль своего здоровья: только мнѣ жаль и вышло, что зимой на чужихъ оленяхъ ѣздить, а лѣтомъ на ямщицкихъ карбасахъ. Я жилъ у большого озера, гдѣ сиверь сильно дуетъ, и рѣка крѣпко шумитъ; по рѣкѣ не было ни кола, ни сучьевъ: всякій камень, что рѣка встрѣтитъ, — рѣка заплеснетъ. Я въ хорошемъ мѣстѣ жить не хочу: лучше бы сгорѣлъ весь погостъ въ горами и дворами, всѣ умерли бы, я бы одинъ остался“. Въ тотъ же годъ пришлось ѣхать въ Колу на привѣтъ. Онъ и прощается со своими: съ дядей и сестрой, съ женой молодой, и дочерью своей, дѣвочкой маленькой. Прощай, тещь! ты меня отдалъ въ солдаты. Прощай, Анна; прощай Анна Федоровна, большая хозяйка у насъ. Не жаль мнѣ своего мѣста, не жаль капитала — оставшихся многихъ оленей. Не будутъ отецъ и мать дожидаться меня. Береги, тещь, собаку да ирваса. Спойте пѣснь, чтобы всякій видѣлъ и слышалъ, какъ я пошелъ въ солдаты!“ Онъ служилъ и назадъ пришелъ ¹⁾.

1) Н. Харузинъ. „Русскіе лопари“.

Приведенные образцы лопарскихъ разсказовъ, сказокъ и пѣсенъ достаточно выясняютъ характеръ ихъ народнаго творчества. Ихъ пѣсни и разсказы не богаты содержаніемъ, какъ и самая ихъ жизнь. Пѣсни ихъ лишены иногда своеобразной поэзіи, но на нихъ лежитъ отпечатокъ суровой и дикой природы сѣвера, среди которой онѣ сложились. Во всякомъ случаѣ для насъ важно отмѣтить, на что способенъ этотъ народъ, до сихъ поръ многими считаеый за совершенныхъ дикарей.

Въ послѣднее время, воспринимая все русское, лопари охотно перенимаютъ и русскія пѣсни и русскіе мотивы, а въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ русскимъ поселеніямъ даже стыдятся своихъ національныхъ пѣсенъ. Но въ болѣе глухихъ уголкахъ Лапландіи, удаленныхъ отъ русскаго вліянія, до сихъ поръ поются и складываются народныя лопарскія пѣсни. А если народъ умѣетъ въ пѣснѣ выразить то, что его волнуетъ и радуетъ, то ему нельзя отказать въ способности къ дальнѣйшему совершенствованію и развитію.

